

INSPIRIA

Мариэ
КОНДЕ

ЖИЗНЬ
КАК ОНА
ЕСТЬ

18+

INSPIRIA

Loft. Мариз Конде

Мариз Конде
Жизнь как она есть

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44

Конде М.

Жизнь как она есть / М. Конде — «Эксмо», 2012 — (Loft. Мариз Конде)

ISBN 978-5-04-193540-5

Автофикшен известной французской писательницы Мариз Конде о непростых отношениях с мужем, возлюбленными, их родственниками и собственными детьми на фоне политической борьбы. Неприукрашенная автобиография, где писательница рискует предстать «лживой, неверной, прелюбодейной женой» и женщиной, предпочитающей любовников своим детям. Постоянная погоня то ли за счастьем, то ли просто за жизнью и непонимание окружающих. «Я просто не вижу смысла создавать произведения, которые не представляли бы собой политического высказывания». Мариз Конде – лауреат альтернативной Нобелевской премии, журналист, преподавала в Гвинее, Кот-д’Ивуаре, Гане (откуда была выслана за марксистские взгляды), Сенегале, Франции и США. Постоянными гостями ее романов были и остаются темы рабства, расизма, сексизма, насилия и колониализма, а ее героини носят в себе бунтарский дух. Проза Мариз Конде – будь то романы или автофикшен – это всегда глубокое исследование себя, исследование родового мифа, что сближает ее с африканскими литературными традициями, но еще и политическое высказывание. «Жизнь как она есть» публикуется в блистательном переводе Елены Клоковой.

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-193540-5

© Конде М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

I	10
«Лучше неудачно выйти замуж, чем остаться старой девой»	10
«Пролетая над гнездом кукушки»	18
Второй полет над гнездом кукушки	27
История повторяется... не повторяясь	29
«Мы предпочитаем свободу в бедности богатству в рабстве»	32
«В болезни будешь рождать детей...»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мариз Конде
Жизнь как она есть

*Хейзел Джоан Роули,
которая так резко
захлопнула дверь,
что поймала нас.*

Но приходится выбирать:

или жить, или рассказывать¹.
Жан-Поль Сартр

Maryse Conde
LA VIE SANS FARDS
© 2012 by Editions JC Lattès

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Ну почему любая попытка рассказать о себе оборачивается набором полуправдивых фраз? С какой, скажите на милость, стати автобиографии или мемуары так часто состоят из выдумок, заставляющих правду затуманиться, а потом и вовсе исчезнуть? Что вынуждает человеческое существо создавать картину жизни, настолько отличную от реально прожитой? Хотите пример? Извольте! Читаю в материалах, написанных моими пресс-секретарями для журналистов и книготорговцев по сведениям, предоставленным мною лично: «В 1958-м Мариз выходит замуж за гвинейского актера Мамаду Конде, которого впервые увидела на сцене театра «Одеон» в «Неграх», пьесе Жана Жене, поставленной Роже Бленом². В том же году она уезжает с ним в Гвинею, единственную африканскую страну, ответившую *нет* неокOLONиальной политике Шарля де Голля, не вошедшую в состав Французского содружества и декларировавшую полный государственный суверенитет».

Привлекательная картина, не так ли? Любовь, вдохновленная гражданской и политической пассионарностью. А между тем в этой фразе содержится целый ряд фальсификаций. Я никогда не была на спектакле по пьесе Жене и потому физически не могла увидеть игру Конде. Когда мы жили в Париже, он выступал в третьесортных театриках и изображал «темнокожую братию», как сам честно признавался.

Арчибалда в постановке Роже Блена Конде сыграл только в 1959-м, когда мы пережили первое из наших расставаний. Брак вышел не самым удачным... Я преподавала в Бен-жервиле – городе на берегу лагуны Эбрие Гвинейского залива, в юго-восточной части Берега Слоновой Кости³, где родилась наша первая дочь Сильви-Анна.

Итак, скажу, выразив своими словами фразу из «Исповеди» Жан-Жака Руссо: *хочу показать себе подобным одну женщину во всей истинности ее натуры, и этой женщиной буду я*⁴.

В определенном смысле я всегда испытывала страсть к правде, что часто не шло мне на пользу – как в личном, так и в общественном плане. В книге воспоминаний «Сердце, обреченное на смех и слезы. Подлинные сказки моего детства» я рассказываю, как зародилось мое, с позволения сказать, писательское призвание. Это случилось двадцать восьмого апреля, в день рождения моей матушки. Мне было десять лет, и я ее обожествляла, несмотря на взбалмошный нрав родительницы. Вообразим, что я сочинила в ее честь нечто среднее между стихотворением и интермедией, попытавшись описать эту многогранную личность – то нежную и безмятежно спокойную, как морской бриз, то полную сарказма и ворчливую. Мама молча выслу-

² Роже Блен действительно поставил пьесу Жана Жене «Негры», но не в театре «Одеон», а в Театре Лютеции, 28 октября 1959 г.

³ До 1986 г. название государства официально переводилось на русский язык. В октябре 1985 г. съезд правящей Демократической партии постановил, что Кот-д'Ивуар является географическим названием и его не нужно переводить с французского.

⁴ «Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы – и этим человеком буду я». Цит. по книге: Жан-Жак Руссо «Исповедь», пер. М. Розанова. (Academia: Москва; Ленинград, 1935).

шала бы «оду» в исполнении одетой в голубое платье дочери, подняла бы глаза, полные слез (к моему *изумлению!*), спросила бы «на выдохе»: «Такой ты меня видишь?» – подарив чувство могущества, которое я стремилась бы переживать снова и снова, в каждой новой книге.

Сочиненный апокриф великолепно иллюстрирует невольные попытки приукрашивания, с которыми я борюсь. Я часто мечтала шокировать читателей, разоблачив излишний пафос, заставив его прилюдно испустить дух напыщенности. Мне не раз приходилось сожалеть о том, что никто не обращает внимания на стрелы, которыми я нашлаговала свои тексты. В романе «В ожидании паводка», выпущенном в 2010 году издательством *Jean-Claude Lattès*, я написала: «Разве террорист не есть обычный отверженный – от родины, от ее богатств, от счастья, – отчаянно желающий быть услышанным, допускаю, что варварскими методами?»

Я надеялась, что в нашу чрезмерно осторожную эпоху подобное определение вызовет различные реакции, но только Дидье Жакоб из *Le Nouvel Observateur*⁵ задал вопрос на эту тему, когда брал у меня интервью.

Я, конечно же, не считаю, что назначение писателя только в том и состоит, чтобы шокировать читателей. Страсть к писательству накрыла меня без предупреждения. Я ни в коем случае не сравню ее с неким таинственным злом, поскольку она доставляет мне неизбежное удовольствие. Я скорее сравню эту страсть с пугающей неотложной необходимостью, в причинах которой так и не сумела разобраться. Будем помнить, что я родилась в стране, где не было ни одного музея, ни одного театра, а писатели, знакомые нам по школьным учебникам, обитали в Иных Мирах.

Я не была вундеркиндом из тех, кто в шестнадцать лет сочиняет гениальные тексты. Первый роман увидел свет, когда мне было сорок два года (другие в этом возрасте начинают убирать в стол бумагу и ластик), приняли его очень плохо, что я восприняла стоически как провальный старт будущей карьеры литератора. Я поздно дебютировала, потому что трудно жила, но когда проблем стало меньше, смогла заменить подлинные драмы литературными.

В романах «Сердце, обреченное на смех и слезы» и «Победа, остро́ты и слова» я в деталях описала среду, из которой вышла. Успешный фильм Юзан Пальси «Аллея черных лачуг» создал у зрителей совершенно определенный образ Антильских островов... с которым я категорически не согласна! Не все антильцы – «проклятьем заклеянные», от рассвета до заката потеющие на плантациях сахарного тростника⁶. Мои родители относились к нарождавшемуся классу мелких буржуа и весьма заносчиво называли себя Великими неграми. В защиту матери и отца скажу, что их детство было ужасным и они желали любой ценой оградить своих детей от страданий. Моя мать Жанна Кидаль была незаконной дочерью неграмотной мулатки, которая так и не выучилась говорить по-французски. Она убиралась у белых по фамилии Вахтер и очень рано узнала, что такое стыд и униженность. Мой отец Огюст Буколон, тоже незаконнорожденный, остался сиротой, его мать погибла на пожаре, когда их хижина занялась и сгорела в считанные минуты. Трагическое происшествие имело, как ни дико это звучит, «полезные» последствия. Вахтеры позволили моей матери присутствовать на занятиях гувернера с их сыном, что, учитывая цвет кожи девочки, сделало ее аномально образованной и позволило в дальнейшем стать одной из первых чернокожих учительниц ее поколения. Мой отец, сын нации⁷, получил образование – редкость для того времени! – и в конце концов основал небольшой Потребительский Ссудный банк, обслуживавший чиновников.

⁵ *Le Nouvel Observateur* (1964–2014) – «Новый обозреватель» (франц.), ныне *L'Obs* – самый известный французский еженедельный новостной журнал, издается с 19 ноября 1964 г.

⁶ «Аллея черных лачуг» – фильм о тяжелой жизни чернокожих рабочих на плантациях сахарного тростника. Действие происходит на Мартинике в 1930-е г. Главный герой – Жозе – одиннадцатилетний, очень смысленный парнишка. Он мечтает о хорошей жизни, но ключ к счастью – избавление от рабского труда.

⁷ Сын нации – ребенок, чей отец погиб на войне, сирота.

Молодожены Жанна и Огюст были первой темнокожей супружеской парой, владевшей автомобилем «Ситроен С4», они построили на мысе трехэтажный дом и проводили отпуск на берегу реки Сарсель в Гояве⁸, в собственном «доме отдыха». Родители так возгордились, что растили моих семерых братьев, сестер и меня в полном незнании окружавшего нас общества и презрении к нему.

Я была младшим ребенком, меня баловали больше всех остальных детей и предрекали потрясающее будущее. Я охотно верила. В шестнадцать лет, собираясь на учебу в Париж, я не знала креольского языка, никогда не ходила на *Левоз* – традиционное гваделупское сельское музыкальное представление, мне были чужды и ритмы антильских танцев под аккомпанемент больших креольских барабанов *гвока*. Даже антильскую пищу я считала грубой и невкусной.

В моей нынешней жизни не происходит ничего особенно драматичного – кроме подкрадывающейся на мягких лапах старости и болезней, в чем нет ничего сверхъестественного и никого не может заинтересовать. Я лучше постараюсь описать то особое место, которое Африка занимала в моей жизни – реальной и воображаемой. Что я там искала? До сих пор точно не знаю. Пожалуй, самым правильным будет вспомнить «Любовь Свана» Марселя Пруста и повторить слова его героя:

«Как же так: я убил несколько лет жизни, я хотел умереть только из-за того, что всей душой любил женщину, которая мне не нравилась, женщину не в моем вкусе!»⁹

⁸ Гояве – коммуна во французском заморском регионе и департаменте Гваделупа, Малые Антильские острова.

⁹ Цит. по книге: Марсель Пруст «Любовь Свана», пер. Н. Любимова. (М.: «Амфора», 2000).

I

«Лучше неудачно выйти замуж, чем остаться старой девой»

Гваделупская пословица

Я познакомилась с Мамаду Конде в 1958 году, в Доме студентов Западной Африки, большом обветшалом здании на бульваре Понятовски в Париже. Африка, ее прошлое и настоящее, занимала все мои мысли, я подружилась с сестрами Раматулэ и Бинету, представительницами гвинейской народности пёль. Мы встретились на политическом митинге на улице Дантона, в Зале научных обществ, не сохранившемся до наших дней. Девушки приехали из Лабе, города в центральной части Гвинеи, они показывали мне пожелтевшие фотографии своих почтенных родителей, одетых в бубу¹⁰ из базена – полульняной саржи. Они сидели перед круглыми хижинами, крытыми соломой, смотрели в объектив, улыбались и были до того трогательными, что я расчувствовалась.

По Дому студентов гуляли сквозняки, мы кипятили воду на крошечной угольной плитке и пили зеленый чай с мятой. Как-то раз, во второй половине дня, к нам присоединилась группа гвинейцев.

Все называли Конде Стариком – в знак уважения, как я позже узнала, кроме того, из-за седины в волосах он выглядел старше большинства студентов. Говорил он всегда назидательным тоном, как старейшина рода, изрекающий глубинные истины, хотя родился в 1930 году. Удостоверение личности противоречило и внешности, и манере поведения... Конде вечно мерз и потому заматывал шею толстым шарфом ручной вязки и надевал под тяжелое темно-коричневое пальто два, а то и три свитера. Нас познакомили, и я удивилась: что этот тип делает в Консерватории искусств и ремесел на улице Бланш, неужели он и правда артист? С такой-то дикцией и высоким голосом?! Честно говоря, раньше я бы с ним вряд ли заговорила, но теперь моя жизнь совершенно переменялась. Меня прежней не стало. Высокомерная Мариз Буколон, наследница Великих негров, приученная презирать «нижестоящих», получила смертельное ранение. Я избегала старых друзей и хотела одного – чтобы обо мне забыли. Я ушла из лицея Фенелона¹¹ и больше не кичилась своим положением одной из немногих гваделупок, готовящихся к поступлению в Высшую школу и имеющих все шансы преуспеть. У меня появился новый «знак отличия». Журнал *Esprit* опубликовал фрагменты книги Франца Фанона¹² «Черная Кожа. Белые Маски», которую я сочла клеветой на антильское общество и написала открытое письмо в редакцию, заявив, что автор ничего не понял и ни в чем не разобрался. Ответом на пламенное послание молодой девушки стало приглашение от редактора журнала Жан-Мари Доменаша¹³ посетить улицу Жакоб и высказать критические замечания.

¹⁰ Бубу – длинная широкая рубаха у народов Западной Африки, носится как мужчинами, так и женщинами, может быть скроена а-ля «летучая мышь» либо просто как длинная и широкая туника.

¹¹ Лицей Фенелона – первый парижский лицей, дающий высшее образование представительницам женского пола. Открыт в 1892 г. как подготовительная школа для поступающих в Эколь Нормаль. Носит имя писателя, мыслителя, педагога Франсуа де Салиньяка де Ла Мот-Фенелона (1651–1715). С 1970-х гг. в него могут поступать как девочки, так и мальчики.

¹² Франц Омар Фанон (1925–1961) – франкоязычный вест-индский революционер, социальный философ и психоаналитик. Один из теоретиков и идейных вдохновителей движения новых левых и революционной борьбы за деколонизацию в странах третьего мира.

¹³ Жан-Мари Доменаш (1922–1997) – французский писатель и интеллектуал, левый и католический мыслитель. С 1957 до 1976 г. занимал должность редактора *Esprit*, литературного и политического журнала, основанного в 1945 г.

Позже в редакции побывал и гаитянец Жан Доминик¹⁴, будущий герой документального байопика «Агроном» американского режиссера Джонатана Демме. Я уже не помню всех обстоятельств нашей встречи с Домиником – человеком, так сильно повлиявшим на мою жизнь, но у нас случился замечательный интеллектуальный роман. Если помните, меня воспитывали в изоляции, и я почти ничего не знала о Гаити. Жан Доминик не только лишил меня невинности (можно сказать, ввел в мир страсти), но и просветил насчет *les Africains chamarrés* — ряженных африканцев¹⁵, по презрительному определению Бонапарта. Я узнала о самоотверженности и чистоте помыслов Туссена Лувертюра¹⁶, успехе Жан-Жака Дессалина¹⁷ и первых трудностях новой Черной Республики. Он дал мне прочесть книги «Хозяева росы» Жака Румена¹⁸, «Господь смеется» Эдриса Сент-Амана¹⁹, «Добрый генерал Солнце» Жака-Стефана Алексиса²⁰ и, говоря коротко, приобщил к невероятным богатствам земли, ранее мне неизвестной. Благодаря этому человеку я всем сердцем привязалась к Гаити, и эта любовь осталась со мной навечно.

Я собрала все имевшееся у меня мужество и объявила, что беременна, Жан был совершенно счастлив и воскликнул: «На этот раз я жду маленького мулата!» – поскольку предыдущая жена подарила ему двух дочерей (одна из них, Ж. Ж. Доминик, родившаяся в 1953 году, стала писательницей, журналисткой и педагогом, живет в Квебеке).

И тем не менее на следующий день, явившись к нему на квартиру, я застала его за сбором чемоданов. Он с абсолютной убежденностью объяснил, что над Гаити нависла чудовищная угроза, и исходит она от врача по имени Франсуа Дювалье²¹, заявившего о намерении участвовать в президентских выборах. Он чернокожий, и масса людей, которым осточертели президенты-мулаты, имеющие опасный тропизм к идеологии *нуаризма*²², аплодируют этому типу. Он не наделен ни одним из качеств, необходимых человеку, замахнувшемуся на высший пост в государстве, поэтому все честные граждане обязаны вернуться в страну и сплотиться в единый оппозиционный фронт.

¹⁴ Жан-Леопольд Доминик (1930–2000) – гаитянский журналист и известный борец за права человека и демократию на Гаити, его действия привели к столкновениям с правящими режимами и в конечном итоге к его убийству. С момента основания *Radio Haiti-Inter* (1960) Доминик был его ведущим. Радиостанция стала первой, транслировавшей новости, репортажи о расследованиях и политический анализ на гаитянском креольском языке. Третьего апреля 2000 г. он был убит. Долгое расследование не смогло найти и привлечь к ответственности преступников, которые и сейчас остаются на свободе. После смерти Доминика его жена и коллега-журналистка Мишель Монтас вешали еще три года и прекратили свою деятельность в 2003 г. Название фильма «Агроном» связано с образованием и первой профессией Жан-Леопольда Доминика.

¹⁵ *Les africains chamarrés* (ряженные африканцы) – люди европейского происхождения, родившиеся в Африке или постоянно живущие в Африке, которые идентифицируют себя как «белые».

¹⁶ Франсуа-Доминик Туссен-Лувертюр (1743–1803) – бывший раб, бригадный генерал и лидер Гаитянской революции, в результате которой Туссен привел рабов острова к свободе, а Гаити стало первым независимым государством Латинской Америки. Преданный соратниками, он был отправлен во Францию, подвергнут допросам и умер от пневмонии и недоедания.

¹⁷ Жан-Жак Дессалин (1758–1806) – основатель независимого гаитянского государства, первый правитель (император Жак I) и национальный герой Гаити. Вначале носил фамилию своего первого хозяина Дюкло, затем был куплен креолом Дессалином, который присвоил ему свою фамилию. Объявил Гаити страной исключительно для черных.

¹⁸ Жак Румен (1907–1944) – гаитянский писатель, общественно-политический деятель, основатель и генеральный секретарь Коммунистической партии Гаити (1934), журналист и этнограф.

¹⁹ Эдрис Сент-Аман (род. в 1918) – гаитянский писатель. Один из самых известных романов Сент-Амана – «Господь смеется» (1952).

²⁰ Жак-Стефан Алексис (1922–1961) – гаитянский писатель и общественный деятель, врач-психиатр, основатель Объединенной партии гаитянских коммунистов (1959). В 1961 г. был арестован на Гаити и убит правительством Дювалье. Писал на французском языке, в романе «Добрый генерал Солнце» (1955, рус. пер. 1960) Алексис воспекает внутреннюю силу и красоту народа Гаити. Его реализм, жесткий и горький, вместе с тем носит романтически-страстный характер.

²¹ Франсуа Дювалье, известный также как «Папа Док» (1907–1971), – гаитянский государственный и политический деятель; диктатор, бессменный президент Гаити с 1957 г. до своей смерти. Дювалье оставил в стране только одну правящую партию, закрыл все оппозиционные издания, распустил профсоюзы и студенческие организации. Начались гонения на священников, не готовых восхвалять в своих проповедях режим. Дювалье хотел провозгласить себя императором Гаити и установить монархию. Но этим планам помешала смерть диктатора. Для устрашения и приобретения популярности Дювалье умело приотворялся колдуном вуду и даже бароном Субботой, вождем мертвых.

²² Доктрина нуаризма – местная разновидность расизма, проповедующая превосходство черных гаитянцев.

Жан Доминик улетел и даже открытку потом не черкнул. Я осталась в Париже в полном одиночестве, не в силах понять, как мужчина мог так поступить с беременной женщиной. Объяснение существовало – цвет моей кожи, – но я не желала его принимать. Мулат Жан Доминик бессознательно относился ко мне свысока, как все, кто имел глупость считать себя привилегированной кастой. Я, со своей стороны, считала лицемерием его «антидювальеристские стансы» и заявления о вере в народ.

Долгие месяцы одинокой беременности давались мне тяжело, я плохо питалась, была близка к депрессии, и доктор из студенческой поликлиники выписал путевку в дом отдыха в Уазе, где меня окружили небывалой заботой и вниманием. Я впервые в жизни узнала, что даже совершенно чужие, незнакомые люди готовы помогать и сочувствовать другим. Тринадцатого марта 1956 года, в тот самый момент, когда я должна была, не зная отдыха и сна, готовиться к поступлению в Эколь Нормаль²³, у меня в маленькой клинике XV округа родился сын. Я назвала его Дени – сама не знаю почему, а вскоре в Гваделупе скоропостижно скончалась моя обожаемая мать. Все эти испытания превратили меня в Маргариту Готьё²⁴: тот же милый доктор обнаружил туберкулезный инфильтрат в правом легком и немедленно отправил меня на целый год в санаторий в городе Ванс в Приморских Альпах.

– Ну почему, почему судьба так жестока к тебе? – повторяла Ивана Рандаль, одна из немногих подруг того времени, провожая меня на вокзал.

Я почти не слушала, пребывая во власти навалившихся на меня горестей. За неимением средств пришлось передать моего чудесного, крошечного мальчика на попечение органов государственного призрения, располагавшихся на авеню Данфер-Рошро. Именно пришлось, хотя в столице жили две мои старшие сестры. Первая, Эна, еще и моя крестная, была на редкость хороша собой, меланхолична, мечтательна и окутана ореолом таинственности. Она приехала в Париж учиться музыке, а перед самым началом Второй мировой войны вышла замуж за гваделупца Ги Тирольена²⁵, студента Национальной школы управления²⁶. Впоследствии он стал нашим национальным поэтом и выпустил прославивший его сборник стихов «Золотые пули». Пока муж Эны томился в концлагере рядом с Леопольдом Седаром Сенгором²⁷, она изменяла ему с элегантными и весьма ретивыми офицерами, называвшими ее Бижу²⁸. В тот момент Эну содержал богатейший промышленник, она разгоняла скуку, играя на пианино Шопена и попивая крепкий алкоголь. Другая моя сестра, Жиллетта, была гораздо зауряднее Эны. Социальный работник в бедном густонаселенном предместье Сен-Дени, она была женой студента-медика гвинейца Жана Дина.

– Ты ни в чем не провинилась перед этим миром и не заслуживаешь подобных горестей! – кипятилась Ивана.

²³ Высшая нормальная (педагогическая) школа – государственное учреждение высшего образования Франции. Это одно из самых престижных высших учебных заведений, для поступления в которое необходимо по окончании лицея проучиться несколько лет в специальных подготовительных классах, чтобы затем пройти строгий конкурсный отбор.

²⁴ Маргарита Готьё – героиня романа А. Дюма-сына «Дама с камелиями».

²⁵ Ги Тирольен – автор всемирно известной работы «Молитва маленького негритянского мальчика» (1943), включенной в сборник *Balles d'or*. В этом стихотворении рассказывается история чернокожего ребенка, который больше не хочет ходить в «белую» школу.

²⁶ Национальная школа управления – французское элитарное государственное учреждение в сфере высшего послевузовского образования и повышения квалификации, созданное в 1945 г. генералом де Голлем, чтобы «демократизировать доступ к высшим должностям государственного аппарата».

²⁷ Леопольд Седар Сенгор (1906–2001) – французский и сенегальский политик, поэт и философ, первый президент Сенегала (1960–1980), президент Федерации Мали (1960), член ряда правительств Четвертой Республики. Один из ведущих африканских интеллектуалов XX в., деятель panaфриканизма и правого крыла международной социал-демократии. Является одним из разработчиков теории Негритюда (африканского духа) – направления африканской философии, обосновывающего исключительность исторических судеб африканских наций.

²⁸ Драгоценность (*франц.*).

Я сама не знала, что думать. Бывало, чувствовала себя жертвой вселенской несправедливости, а иногда внутренний голос нашептывал: «Ты это заслужила, считала, что принадлежишь к *высшим существам*, вот и разозлила Небеса!» Из этого испытания я вышла, навеки лишившись кожи и доверия к судьбе, поджидавшей любого удобного момента, чтобы нанести новый удар.

Жизнь в Вансе была очень тоскливой. Я, как Мари-Ноэль из романа «Дезирад»²⁹, сохранила тягостные воспоминания о бесконечных часах постельного режима, ежедневных капельницах с ПАСК³⁰, усталости, дурноте, лихорадке, испарине и бессоннице. Увы, в отличие от литературной героини я не встретила в Вансе свою любовь. Это было бы затруднительно...

Раз в месяц, если мы чувствовали себя неплохо, медсестра в белом халате сопровождала нас на прогулку в Ниццу.

Прохожие сторонились «заразных больных», олицетворявших собой скорбь и беспомощность. Мы шли к морю и с завистью наблюдали за загорелыми купальщиками, плывущими красивым брассом. Я молча оплакивала маму, тревожилась за малыша и тихо ненавидела Жана Доминика, но, как это часто случается в жизни, долгие месяцы в санатории имели счастливый исход. Благодаря серии специальных разрешений я смогла получить диплом по современной литературе на филологическом факультете Университета Экс-Марсель в Экс-ан-Провансе. Я выбрала французский, английский и итальянский вместо французского, латыни и греческого, как на подготовительных курсах.

Я вернулась в Париж, по объявлению нашла работу в департаменте Министерства культуры на улице Буасси д'Англа и решила, что могу забрать сына из казенного учреждения и избавиться наконец от горького чувства вины по отношению к собственному ребенку. Скоро моя жизнь превратилась в ад на земле. После смерти мамы отец, не питавший ко мне особой любви, перестал присылать деньги, изменилось и отношение Эны и Жилетты. Обе были значительно старше, и особой близости между нами никогда не было, хотя раньше они вели себя мило, и я часто получала приглашения то на обед, то на ужин. Мы перестали видеться после того, как сестры узнали, что я жду ребенка, а Жан Доминик покинул Францию. Сбежал. Я нуждалась в их внимании и заботе, поэтому иногда звонила сама. Обе только что трубку не вешали, услышав мой голос! Неужели я оскорбила их мелкобуржуазные чувства? Или они были разочарованы тем фактом, что младшую сестру, которой прочили блестящее будущее, обрюхатили и бросили, как служанку? Эна и Жилетта отреагировали, как банальные мещанки.

Мне приходилось существовать на крошечную зарплату, а жила я – еще одна насмешка судьбы! – в XVII округе, напротив посольства Гаити, правда, в комнате для прислуги, с «удобствами» на лестничной клетке. Каждое утро я отправлялась на другой конец Парижа, чтобы сдать Дени в студенческие ясли, находившиеся в V округе, на улице Фоссе-Сен-Жак, после чего бежала на площадь Согласия, в министерство, а в конце дня проделывала тот же путь в обратном направлении. Само собой разумеется, по вечерам я сидела дома, хотя всегда обожала кино, театр, концерты и походы в ресторан! Я купала сына, кормила его, укладывала спать и пела малышу колыбельные. Кто-то не поленился пустить слух о том, что мое внезапное исчезновение напрямую связано с изменением социального статуса, что я стала «девушкой-матерью» (так презрительно называли тогда матерей-одиночек), и антильские студенты избегали меня – все, кроме верных друзей Иваны Рандаль и Эдди Эдинваль. Общалась я только с афри-

²⁹ «Дезирад» – самый известный роман Мариз Конде – о тяжелой жизни женщин в Гваделупе, о поисках себя и извечном конфликте отцов и детей. Ла Дезирад – «желаемое» – остров во Французской Вест-Индии, часть Гваделупы, заморского региона Франции.

³⁰ ПАСК – противотуберкулезный препарат, параамино-салициловая кислота, аминосалициловая кислота и ее производные, натрия аминосалицилат.

канцами – они ничего обо мне не знали, но уважали за умение держаться и хорошо подвешенный язык.

Мне было очень трудно платить за жилье. Хозяин, типичный седовласый буржуа с аристократическим профилем, преодолевал шесть этажей до моей комнаты и выкрикивал сакральную фразу: «Я вам не отец, мадемуазель!»

Слава богу, в министерстве ко мне относились с симпатией, даже проявляли заботу. Как в доме отдыха в Уазе. Я, как героиня Теннесси Уильямса³¹, всегда была брошена на произвол судьбы и всегда зависела от доброты случайных людей. Сотрудники жалели молодую женщину, сопротивляющуюся нужде и лишениям, и восхищались ее чувством собственного достоинства и мужеством. Коллеги регулярно приглашали меня на обед в субботу или воскресенье, умилялись красоте Дени, целовали мальчика и обращались, как с маленьким принцем. Провожая нас до дверей, хозяйки совали мне в сумку хорошую, хоть и ношеную одежду (не только детскую!), пряники, коробки и банки с «Овомальтином»³² или какао фирмы *Van Houten*, чтобы подкрепить здоровье хилых матери и ребенка. Выйдя на улицу, я плакала от унижения.

Чем конкретно мы занимались на улице Буасси д'Англа? Насколько я помню, департамент, где я трудилась, составлял сопроводительные письма к культурным проектам, адресованные министру.

Прошло несколько месяцев, и, поняв, что не смогу дальше существовать в подобном режиме, я с тяжелым сердцем вновь рассталась с Дени и доверила сына заботам сертифицированной кормилицы мадам Бонанфан³³, жившей в окрестностях Шартра. Заплатить сразу полагающиеся ей восемнадцать тысяч старых франков я не могла и попросту дала тягу. Мадам Бонанфан не только не подала иск, но и начала исправно писать мне письма (с массой орфографических ошибок!) и сообщать новости о «нашем» малыше.

«Он очень скучает по своей маме! – уверяла она. – И все время спрашивает, когда же вы придете».

Меня мучила совесть, и я лила слезы над этими посланиями, жила, как в тумане, страдала, почти не спала и за несколько недель похудела на восемь килограммов. Читатели часто спрашивают, почему в моих романах героини считают своих сыновей и дочерей обузой, а обделенные любовью дети замыкаются в себе. Ответ прост: таков мой личный опыт. Я очень любила сына, но его появление на свет разрушило все надежды, ради которых я училась. Я физически не могла обеспечить своего ребенка всем необходимым и любому здравомыслящему человеку резонно показалась бы дурной матерью.

Я не помню, как за мной ухаживал Конде. Первый поцелуй, первое объятие, первое разделенное наслаждение – все это стерлось из моей памяти. Я забыла, о чем мы разговаривали, обсуждали или нет серьезные темы. По разным причинам мы оба торопились расписаться. Я благодаря замужеству надеялась восстановить положение в обществе, Конде не терпелось предъявить друзьям и знакомым новобрачную с университетским образованием, девушку из хорошей семьи, говорящую по-французски, как настоящая парижанка. Конде был сложным человеком, его ироничность часто казалась мне почти вульгарной, но действенной, я пробовала перевоспитать его, но он отвергал все попытки, как воистину свободолюбивая личность.

³¹ Мариз имеет в виду Бланш Дюбуа – героиню величайшей пьесы Теннесси Уильямса (1911–1983) «Трамвай “Желание”» (1947): «Не важно, кто вы такой... я всю жизнь зависела от доброты первого встречного».

³² «Овомальтин», также известный под аббревиатурой *Ovo*, – швейцарский культовый напиток на основе ячменного солода, обезжиренного молока, какао и дрожжей. Оригинальный продукт представляет собой порошок, который смешивают с горячим или холодным молоком, чтобы получить бодрящий шоколадный напиток.

³³ Мариз не называет подлинную фамилию няни, а придумывает ей «говорящее имя»: *Bonenfant* = *le bon enfant* = хороший ребенок (франц.).

Приведу простой пример. Однажды я решила «переодеть» его в модную тогда парку и услышала в ответ: «Слишком молодежный стиль! Мне не подходит!»

Я пыталась привить Конде страсть к режиссерам Новой волны, итальянцам Антониони, Феллини и Висконти, к датчанину-новатору Карлу Дрейеру и шведу Ингмару Бергману, а он так крепко заснул, когда мы смотрели «Четыреста ударов» (1958) Франсуа Трюффо, что мне пришлось будить его под насмешливыми взглядами других зрителей. Самое обидное поражение я потерпела, пытаясь приобщить Конде к творчеству поэтов идейного течения Негритюд, провозглашавшего исключительность и самобытность негро-африканской культуры и стремившегося к деколонизации. Я открыла их для себя, когда училась на подготовительных курсах. Как-то раз одна весьма политизированная одноклассница Франсуаза дала мне тонкую брошюру под названием «Дискурс о колониализме» Эме Сезера³⁴. Я ничего не знала об авторе, но содержание так сильно потрясло меня, что на следующий же день побежала в книжный магазин издательства «Африканское присутствие»³⁵ и купила все книги Сезера, а также – на всякий случай – стихи Леопольда Седара Сенгора и Леона-Гонтрана Дамаса³⁶.

Конде открыл наугад книгу Эме Сезера (он станет моим любимым писателем) «Дневник возвращения в родную страну»³⁷ и продекламировал насмешливым тоном:

Что два плюс два дают пять
что лес мяукает
что дерево таскает каштаны из огня
что ресница приглаживает бороду
и так далее, и так далее...

– И где тут смысл?! – воскликнул он. – Для кого он пишет? Уж точно не для меня, раз я ни черта не понимаю!

К Леону-Гонтрану Дамасу он проявлял большую снисходительность, находя его стиль проще и прямее.

Мне сейчас кажется невероятным, что я не рассказала Конде о Дени. Даже не пыталась, понимая, что признание похоронит надежду на замужество. Та эпоха во всем отличалась от современной. Девственность невесты перестала быть непременным условием, но сексуальной свободы и в проекте не было. Закон Симоны Вейль³⁸ будет принят только через пятнадцать лет. Мало кому хватало смелости признаться, что ребенок был «зачат во грехе».

Я почти ни с кем не знакомила Конде, а мнения немногих «допущенных к телу» разошлись.

³⁴ Эме-Фернан-Давид Сезер (1913–2008) – французский мартиникский писатель, поэт и общественный деятель. Антиколониалист, сторонник независимости Мартиники, один из создателей концепции Негритюда и сооснователь журнала *Présence Africaine* – «Африканское присутствие». В знаменитом «Дискурсе о колониализме» (1950) Сезер прямо ставил знак равенства между колониализмом и нацизмом.

³⁵ *Présence Africaine* – panaфриканский ежеквартальный культурный, политический и литературный журнал, выходящий в Париже (Франция). Основанный Алиуном Диопом в 1947 г., журнал стал орудием антиколониальной борьбы, писатели и мыслители вместе стремились осудить колониальный расизм в своих основополагающих текстах. В 1949 г. появляются одноименные издательство и книжный магазин на улице Эколь в Латинском квартале.

³⁶ Леон-Гонтран Дамас (1912–1978) – французский поэт и писатель, один из родоначальников Негритюда, депутат Национального собрания Франции от Гвианы, делегат ЮНЕСКО в Американском обществе африканской культуры, профессор Говардского университета.

³⁷ «Дневник возвращения в родную страну» (завершено в 1938 г.) – поэма, написанная свободным стихом, с которой началась слава Эме Сезера, в ней он яростно отстаивал достоинство своей расы.

³⁸ Симона Вейль (1927–2017) – французский государственный деятель. Ее именем назван «закон Вейль» о декриминализации аборт и предоставлении женщинам права прерывать беременность по собственному желанию. Принятия закона о разрешении добровольных абортов Симона Вейль добилась, находясь на посту министра здравоохранения (1974–1976).

– Какое у него образование? – провокативным тоном поинтересовался муж Жиллетты Жан, когда мы обедали с ними в Сен-Дени.

Эна встретила с нами «накоротке» в баре на площади Аббатисс, а расставшись, сразу позвонила сестре и доложила, что «за полчаса он влил в себя шесть кружек пива и два бокала красного вина. Этот человек – пьяница, точно тебе говорю!» Ивана и Эдди жаловались: «Мы не понимаем ни слова из того, что он говорит!»

Я и сама мечтала не о таком мужчине. А «тот» оказался подлым предателем. Мы поженились солнечным августовским утром 1958 года в мэрии XVIII округа Парижа, на улице, где зеленели каштаны. Эна не потрудилась явиться, Жиллетта с дочерью Доминик присутствовали на церемонии, и моя племянница все время дулась, потому что действо не напоминало «настоящую» свадьбу. Мы выпили красного чинзано в кафе на углу и поселились в мебелированных, где Конде снял две комнаты.

Не прошло и трех месяцев, как наш брак закончился. Нет, мы не ссорились, просто не могли долго быть вместе. Каждого раздражали слова и поступки другого. Иногда мы звали гостей, но я не любила его друзей, а он презирал Ивану и Эдди. В следующем году я узнала, что беременна, и мы сделали несколько попыток снова сойтись, но ничего не получилось. Это не стало новым любовным разочарованием, в некотором смысле я получила то, чего хотела: превратилась в замужнюю женщину с обручальным кольцом на пальце левой руки. Брак прикрыл мой «позор». Жан Доминик внушил мне страх перед антильскими мужчинами, я раз и навсегда перестала доверять им. Конде же был африканцем. Не гвинейцем, как я стала утверждать позднее, бессовестно намекая, что Секу Туре³⁹ и независимость 1958 года сыграли определенную роль в нашем союзе. В тот момент я была недостаточно «политизирована» и верила, что, если попаду на континент, воспетый моим любимым поэтом, смогу возродиться. Снова стану девственницей. Обрету прежние надежды. Забуду того, кто причинил мне столько боли. Неудивительно, что мой брак оказался недолговечным: я взвалила на плечи Конде груз несбыточных ожиданий, порожденных моими разочарованиями, и ноша оказалась непосильной.

Сегодня я с леденящей ясностью понимаю, что наш союз был сделкой двух простофиль. Любви и желанию в нем досталось мало места. Конде надеялся с моей помощью найти то, чего ему не хватало: образование и принадлежность к солидному семейному кругу. Муж Жиллетты попал в точку, когда поинтересовался, где он учился. Конде получил свидетельство о начальном образовании. Он был подростком, когда умер отец, нищая мать, торговавшая на рынках всяким хламом, воспитывала сына одна в городе Сигирине на северо-востоке Гвинеи, в провинции Канкан. Он выбрал ремесло артиста не по зову души, а для того, чтобы покинуть родину и называться студентом, но это красивое звание не добавило ему престижа. Конде никто не поддерживал, и его честолюбивые мечты «стать кем-нибудь» и разговаривать, как Марлон Брандо в картине «В порту», так и не исполнились.

В 1959-м Министерство кооперации⁴⁰ делало первые шаги. В крыле Министерства культуры заработало бюро найма французов, желавших попытать счастья в Африке. Мне показалось, что кто-то угадал мои потаенные мысли и желания. Когда я открывала для себя Африку, учась на подготовительных курсах, она была для меня не более чем литературной темой, источником вдохновения для поэтов, чьи голоса постепенно замещали вечных Рембо, Верлена, Мал-

³⁹ Ахмед Секу Туре (1922–1984) – гвинейский политический, государственный и общественный деятель, писатель, борец с колониализмом. 25 августа 1958 г. в присутствии президента Франции Шарля де Голля Секу Туре заявил: «Мы предпочитаем свободную бедность богатству без достоинства». 2 октября 1958 г. он стал первым президентом независимой Гвинеи и оставался им до 26 марта 1984 г.

⁴⁰ Министерство кооперации, созданное президентом де Голлем в 1959 г., было призвано способствовать развитию стран, получивших независимость в рамках деколонизации, обеспечивая им техническую и военную поддержку. Оно было интегрировано в Министерство иностранных дел 1 января 1999 г.

ларме и Валери. Постепенно африканские реалии занимали все большее место в моей жизни. Мне не хотелось думать об Антильских островах – уж слишком болезненны были воспоминания о минувшем. Я в буквальном смысле этого слова кинулась в бюро по найму, где мною занимался розовощекий блондинчик, который задавал вопросы, тараща глаза и все сильнее ужасаясь: «Вы хотите уехать в Африку одна? С ребенком? А как же ваш муж? Вы ведь, кажется, недавно расписались?»

«Пролетая над гнездом кукушки»

Милош Форман

Несколько месяцев спустя я получила заказное письмо. В нем сообщалось, что Министерство национального образования командировало меня в Республику Берег Слоновой Кости, в коллеж города Бенжервиль. На тот момент у меня была только степень бакалавра по современной литературе, поэтому я получила должность внештатного преподавателя французского языка и скромную зарплату, но была готова танцевать от радости, чего не случалось тысячу лет!

В последние дни сентября мы с Дени сели в поезд до Марселя, где в порту нас ждал океанский лайнер «Жан Мермоз»⁴¹, ходивший до Абиджана. Конде горячо меня отговаривал, говорил, что путешествовать в моем положении опасно, но я больше не боялась рожать без мужа в чужой стране. А вот у сестер мое решение вызвало даже облегчение: «Что бы ни взбрело в голову этой сумасбродке, она будет далеко». Жиллетта пригласила меня к себе и во время обеда сообщила, что Жан закончил обучение на медицинском факультете и она готовится к отъезду в Гвинею.

Марсель, где мы должны были взойти на борт лайнера, я полюбила «заочно», по культовому роману «Банджо» уроженца Ямайки Клода Маккея⁴², которым восхищался Эме Сезер. Шагая по улице Канебьер и другим людным магистралям города, заглядывая в кафе, я как наяву ощущала присутствие писателей – основоположников Негритюда. Кровь снова весело бурлила в жилах, с прошлым меня связывал только сын, маленький мальчик, огорченный внезапной разлукой с любимой кормилицей. Расставание с мадам Бонанфан вышло тяжелым. Славная женщина пыталась выступить в роли моей матери и все твердила, что все было бы иначе, отправляйся я в Африку вместе с мужем! «Что вы будете там делать без мужчины?! Вы хоть представляете, какие опасности вас могут подстергать? Насилие, неизвестные болезни...» Я спешила отнести эти слова на счет расизма...

Мой путь до Абиджана можно сравнить – разумеется, в шутку! – с первым выходом Будды, тогда еще принца Гаутамы, в большой мир, где он сразу же встретился с бедностью, болезнью, старостью и смертью. Я жила в мире, населенном привилегированными людьми, и имела более чем ограниченный жизненный опыт. Я много раз ездила в Италию, Испанию и Нидерланды, в Лондоне учила английский и везде посещала музеи. Исключением стало посещение Варшавы с Жаном Домиником: он повез меня на фестиваль Всемирной федерации демократической молодежи, чтобы приобщить к свершениям марксизма и познакомить со страной Восточной Европы. Не могу не признать, что впечатления я получила сильнейшие, впервые в жизни встретила с индусами, китайцами, японцами, монголами и была заворожена спектаклем Пекинской оперы.

Французские власти поскупились на деньги, поэтому плыть мне пришлось в крошечной душной каюте третьего класса В, но я не жаловалась: многие путешествовали в куда более жутких условиях. С нашей палубы я видела людей, белых и «туземцев», которые теснились у жаровни, пытаясь хоть немного согреться, отгороженные от остального мира толстыми решетками. Дважды в день матросы кормили их супом.

⁴¹ Океанский лайнер «Жан Мермоз» был построен в 1955 г. и назван в честь французского летчика Жана Мермоза (1901–1936).

⁴² Клод Маккей, урожденный Фестус Клаудиус Маккей (1889–1948) – американский писатель вест-индского происхождения, классик вест-индской литературы, один из активных деятелей гарлемского ренессанса – культурного движения, возглавляемого ведущими афроамериканскими писателями и художниками, периода расцвета афроамериканской культуры в 1920–1930-е гг.

Первую остановку мы сделали в Дакаре, куда пришли рано утром. Над городом висело молочно-белое небо. Столица Французской Западной Африки⁴³ была тогда мирным и цветущим поселением с красивыми, в основном одноэтажными домами. С набережной в нос ударил странный затхлый запах, от которого запершило в горле. Это был запах арахиса, в воздухе висела красноватая пыль, принесенная горячим ветром из пустыни.

Первый контакт с Африкой не стал любовью с первого взгляда. Пассажиры-европейцы млели от восторга, меня не вдохновили ни ароматы, ни цвета, зато потряс убогий вид толпы. На тротуарах сидели изможденные женщины с детьми-близнецами, тройняшками и даже четверняшками. Безногие калеки передвигались на «пятой точке», безрукие потрясали культиями. Инвалиды и нищие стучали по земле деревянными планками, кланчили милостыню и напоминали огромный Двор чудес. А мимо них как ни в чем не бывало ехали за рулем своих автомобилей хорошо одетые и сытые белые люди. На одной из улиц я случайно набрела на отвратительно грязный зловонный рынок. Мухи жадно роились вокруг странно белесой рыбы и лилово-красных говяжьих туш. Я убежала из этого подобия ада, как будто за мной гнались, и оказалась в жилом квартале, где сразу наткнулась на школу. Из открытых окон доносился гул детских голосов. Я встала на цыпочки и разглядела светловолосых детишек за партами и учительницу-блондинку в элегантном голубом платье. А где же маленькие африканцы?

Ивана снабдила меня адресом одного из своих родственников Жана Сюльписа, «дядюшки Жана», военного врача, обитавшего в Дакар-Плато – центральном районе столицы. В этой семье редко встречались с гваделупцами, но приняли нас очень радушно, как близких и любимых родственников, и угостили удивительными традиционными блюдами: пряным бульоном из золотистого окуня, рисом и красным горохом.

– Все как дома! – с гордостью заметила мадам Сюльпис.

Атмосфера свидания была трогательной: все ухаживали за двенадцатилетней Беатрис, девочкой с тяжелыми физическими недостатками и умственно неполноценной. Клер, одна из дочерей дядюшки Жана, нежно кормила Беатрис с ложечки. Процесс был долгим и, что греха таить, внешне не слишком «аппетитным», но я преодолела невольную брезгливость, подошла к бедняжке и погладила ее прелестные руки, лежавшие на коленях ладонями вверх.

Хозяин дома, улыбающийся загорелый мулат, появился только к десерту. От него я услышала высказывание одного антильца, живущего в Африке, очень меня удивившее:

– Африканцы не только терпеть нас не могут, но и презирают из-за того, что кое-кто работал на колониальную администрацию. Они обзывают нас «лакеями, делающими за хозяев всю грязную работу».

– А как же Рене Маран? – возмутилась я.

– Кто такой этот Рене Маран? – удивился дядюшка Жан.

Я подумала, что ослышалась, поняла, как узки рамки влияния литературы, и пустилась в долгие объяснения, которые он терпеливо выслушал. Я «вещала», желая довести до сведения этого неопита, что Рене Маран⁴⁴, первый чернокожий, получивший Гонкуровскую премию в 1921 году за роман «Батуала», дорого заплатил за литературное признание и обличение колониального режима, лишившись административного поста. Смущенный дядюшка Жан пообещал обязательно прочесть «Батуалу».

После кофе, партии в карты и светской болтовни мадам Сюльпис захотела со мной посекретничать и, сделав серьезное лицо, спросила: «Неужели у вас нет ни матери, ни тетюшек, ни

⁴³ Французская Западная Африка – колониальное владение Франции на северо-западе Африки в 1895–1958 гг. В ее состав входили Берег Слоновой Кости (Кот-д’Ивуар), Верхняя Вольта (Буркина-Фасо), Гвинея, Дагомея (Бенин с 1899 г.), Мавритания (с 1904 г.), Нигер, Сенегал, Французский Судан (Мали). Столица (резиденция губернатора) – Сен-Луи, а с 1902 г. Дакар (оба города – в Сенегале).

⁴⁴ Рене Маран (1887–1960) – французский писатель и поэт, креол из Французской Гвианы, лауреат Гонкуровской премии (1921) и Большой литературной премии Французской академии (1942).

старших сестер, которые могли бы дать молодой женщине мудрый совет? У меня сердце разрывается, когда я представляю, что вы одна, с маленьким ребенком и без старших, отправились в столь опасное путешествие в Африку! Могу я хоть чем-то быть вам полезной? Не нужны ли вам деньги?» Так я в очередной раз узнала, что и незнакомые люди бывают добры к нам, и никому не позволяю утверждать, что мир – это сборище равнодушных эгоистов! Мадам Сюльпис растрогала меня почти до слез, и я, как могла, успокоила добрую женщину.

В конце дня радушные хозяева отправились провожать нас с Дени на причал. Взяли даже Беатрис – Клер везла ее на инвалидном кресле. В одном из предместий, когда мы шли мимо здания концессии, из палисадника донеслась такая странная, но гармоничная мелодия, что я не удержалась и решила взглянуть на музыкантов, игравших для простой публики, в основном женщин и детей. Я впервые в жизни увидела гриотов⁴⁵, кору⁴⁶ и балафоны⁴⁷, хотя знала стихи Сенгора, написанные специально для этих инструментов. Концерт так восхитил меня, что я едва не опоздала к отплытию, но сохранила в памяти волшебную картину ярко освещенного города, медленно тающего вдаль.

Море волновалось, и на рассвете начался ужасный шторм. Молнии рассекали завесу небес. Семиметровые волны бросали наш лайнер с правого борта на левый, струи дождя поливали палатки несчастных палубных пассажиров. Я чувствовала себя сильной, непобедимой, и мы с Дени нормально перенесли непогоду, продлившуюся двое суток. Я смачивала виски сына камфарным спиртом, держала его на руках, укачивала, и малыш не испугался. Ясным солнечным утром мы приплыли в Абиджан, где в порту меня ждал грузовичок из Бенжервильского коллежа. Водитель по непонятной причине мчался вперед на страшной скорости, рискуя нашими жизнями, и я практически ничего не видела. Бенжервиль в тот момент еще не был предместьем Абиджана, их разделял густой лес таких высоких «толстокожих» деревьев, что солнечные лучи освещали только верхний ярус крон, а тысячи насекомых и птиц создавали почти невыносимый шум. Один из моих романов, «Селанира с перерезанным горлом», был вдохновлен первыми впечатлениями от страны под названием Берег Слоновой Кости. Я, как и моя героиня Селанира, испытывала беспричинную тревогу, не лишённую при этом некоторой остроты. В Бенжервиле меня ждал неприятный сюрприз. В составе африканских педагогов антильцы, особенно уроженцы Мартиники, тогда не числились. Директор коллежа мсье Блераль был мулатом из Фор-де-Франса, его тогдашняя жена мадемуазель Жервиза раньше работала «на подмене» в Гваделупе и вела у меня «Историю Франции до революции» по курсу Жюль Мишле, а я была одной из лучших учениц. Она не сомневалась, что я поступила в Эколь Нормаль и теперь возвращаюсь в высокие сферах какого-нибудь престижного французского лицея. Ее лицо выражало изумленное разочарование, когда она заявила: «Я и подумать не могла, что речь идет о вас, когда увидела в письме из министерства имя – Мариз Буколон! Что с вами стряслось?»

Мне не понравился ее снисходительно-участливый тон, и я небрежно объяснила, что «почувствовала внезапное и жгучее желание изменить свою слишком правильную жизнь, бросила учебу и отправилась в Африку». Мадемуазель Жервизу мой апломб не обманул, и наши последующие отношения складывались непросто. Она относилась ко мне как к младшей родственнице и хотела, чтобы я делилась с ней проблемами, я же находила ее любопытство нездоровым и таилась. Поняв, что я беременна, она спросила обиженным тоном: «Почему вы мне не сказали?»

Ее жалость оскорбила меня.

⁴⁵ Гриоты – поэты, музыканты и колдуны в Западной Африке.

⁴⁶ Кора – струнный щипковый музыкальный инструмент с 21 струной, распространенный в Западной Африке. По строению и звуку кора близка к лютне и арфе.

⁴⁷ Балафон – африканский музыкальный инструмент типа ксилофона.

Руководство коллежа очень гордилось тем фактом, что музыку здесь вела уроженка Гваделупы, сестра Габриэля Лизетта⁴⁸, политической звезды Чада эпохи колониальной администрации и первых лет независимости, чьими речами обманывался «дядюшка Жан». В 1947 году он основал Прогрессивную партию Чада как отделение Африканского демократического объединения, действовавшего на территории всех колоний Французской Западной Африки. Председателем был избран гражданин Берега Слоновой Кости Феликс Уфуэ-Буаньи. Преданный сторонник генерала де Голля, он поддерживал проект Содружества и выступал за постепенную мирную деколонизацию Африканского континента.

Мадемуазель Лизетт была знакома с моими родителями и бывала у них в гостях. Она тоже относилась ко мне по-родственному, но ни разу не оскорбила мою гордость навязчивыми расспросами, и мы, несмотря на разницу в возрасте, стали лучшими подругами. Лизетт страдала тяжелым неврологическим расстройством, но я так и не узнала, чем были вызваны нарушения речи и двигательных функций. Возможно, она перенесла инсульт или переболела острым энцефалитом. Ученики насмехались над бедняжкой, после уроков шли следом до ограды ее сада, выкрикивая гадости и оскорбления. Я ничего не могу сказать о ее преподавательском уровне, но человеком она была умным, чувствительным и мягким. Мы совершали долгие прогулки по окрестному лесу, во время которых она рассказывала об Африке и, в противоположность своему брату, часто с горечью замечала: «Африканцы ненавидят нас, антильцев...» Объясняла Лизетт этот факт иначе, чем дядюшка Жан: «Они завидуют. Считают, что мы слишком близки к французам, а те доверяют нам, потому что считают их ниже нас!»

Я слушала молча, не успев составить собственного мнения, и она продолжала: «Я все время прошу Габриэля быть осторожнее, но он жертвует собой ради жителей Чада и не прислушивается ко мне. К несчастью, однажды они обязательно заявят ему прямо в лицо: «Ты — не один из нас!»

Увы, она оказалась права. Габриэля Лизетта сочли вдохновителем заговоров, сталкивавших лбами север и юг страны, объявили негражданином Чада и запретили возвращаться в страну. Ему пришлось все бросить и вернуться в Париж, где возглавлявший правительство Франции Мишель Дебре сделал его министром-советником.

Небольшое поселение Бенжервиль было не лишено очарования. Одно время оно имело статус столицы страны. Над всем Бенжервилем возвышался огромный, выстроенный из камня в колониальную эпоху Приют полукровок. Я во всех деталях описала его в «Селанире». В этом сиротском доме жили дети жительниц Берега Слоновой Кости от французов. В большинстве случаев матери и их семьи, равно как и вернувшиеся во Францию отцы, не желали заниматься своими малютками. В мою бытность в Бенжервиле в приюте доживали последние из этих сирот при живых родителях. Бледные и худые, отверженные обеими сторонами, они гуляли по улицам под присмотром воспитателей, больше похожих на надсмотрщиков. Был в городке и лепрозорий, чьи пансионеры, к вящей ярости антильцев и французов, свободно расхаживали где хотели, выставя напоказ изуродованные лица и руки. Никто не верил расклеенным повсюду плакатам, утверждавшим, что болезнь уродует тела людей, но не является заразной. В нескольких километрах от Бенжервиля находился великолепный Опытный сад, истинный рай, где росли самые редкие растения со всего света. Я могла бы «оуклиться» в этом городке и жить естественной жизнью: в будние дни — готовиться к занятиям, что не составляло труда в силу уровня учеников, в уик-энд — обедать и ужинать у кого-нибудь из соотечественников и играть с ними в белот, а во время отпуска навещать других гваделупцев и выходцев с Мартиники, которые жили в Буаке, Мане и других городах страны.

⁴⁸ Габриэль Франкоско Лизетт (1919–2001) — политический деятель Чада. Основатель и лидер Прогрессивной партии Чада (февраль 1947 — август 1960).

Я сразу обратила внимание на то обстоятельство, что антильцы повсюду в Африке живут диаспорами, отгородившись от остальных жителей континента «защитным рвом». Мне захотелось узнать, почему все сложилось подобным образом, я отказывалась верить общепринятому утверждению о ненависти африканцев к антильцам, потому что последние якобы считают себя – совершенно неоправданно! – существами высшего порядка. «Разве они не бывшие рабы, путающие домашнее рабство с работорговлей?» Подобный подход казался мне упрощенческим, я предпочитала думать, что африканцы просто не понимают антильцев, считая оскорбительной их восприимчивость к западноевропейскому образу жизни. Антильцев же Африка пугала как некая загадочная первооснова, которую они не осмеливались расшифровывать до конца. Меня, в отличие от других, привлекало и интриговало все неизведанное. Объектом изучения стал мой слуга Жиман. Этот седой мужчина был ровесником моего отца. Как-то раз я подстригала живую изгородь и, видимо, делала это так неумело, что он остановился и предложил свои услуги, попросив за работу смешные деньги. Жиман происходил из племени, обитающего в пустыне Нигера, он открыл мне глаза на бедность своего народа, вынужденного искать лучшей доли в чужих землях. Именно от Жимана я узнала о жестоких межплеменных конфликтах и погромах, которым год назад, в октябре 1958 года, подверглись выходцы из Дагомеи, ныне Бенина. Эту страну называли Латинским кварталом Африки – из-за более высокого уровня школьного образования, но граждане не могли прокормить детей, их привлекало очевидное процветание Берега Слоновой Кости, иммигрантов становилось все больше, и ксенофобия затопила страну. Жиман был очень предан Дени, чем, сам того не желая, вызывал у меня угрызения совести: я казалась себе нерадивой матерью, слишком поглощенной борьбой с собственными демонами.

Однажды сын на полном серьезе задал убивший меня вопрос: «Жиман мой папочка?»

Очень скоро я расширила свое «исследовательское поле», приняв ухаживания директора Опытного сада Коффи Н'Гессана. Между нами не случилось ничего «такого», я всего лишь позволяла ему держать мои руки в своих ладонях и смотреть в глаза тупым взглядом. Этот приземистый пузан был к тому же многоженцем, имел трех или четырех жен и дюжину детей. Не знаю, почему я благосклонно взирала на оказываемые Н'Гессаном знаки внимания. Жиман приходил в ужас при виде подносов с аппетитными национальными блюдами (учитывая мой скромный бюджет, он не мог готовить для меня ничего подобного): футу – густая каша из различных овощных пюре – бананов, иньяма (ямса) и маниоки – под соусом грен из пальмовых зерен, соусом из листьев шпината, соусом кеджену на основе куриного бульона, и, конечно же, в сопровождении самого популярного аккомпанемента – аттьеке (очень похоже по вкусу и виду на кускус, готовят его из тертой маниоки и поливают томатным соусом)... Интереснее всего было то обстоятельство, что директор восхищался Уфуэ-Буаньи и занимал высокое положение в местном отделении Африканского демократического объединения. Он возил меня на своем джипе на политические собрания, но мы никогда не покидали границ прибрежного района. Серый неподвижный океан внезапно вскипал белой пеной, мальчишки, дразня смерть, с воплями плескались в воде. Однажды мы оказались в Гран-Басаме, городе к востоку от Абуджана, день был хмурый, море походило на надгробную плиту. Пока Коффи решал какие-то дела в партийном комитете, я бродила по улицам, вымощенным булыжником, воображая события былых эпох, когда суда богатых арматоров⁴⁹ из Бордо и Нанта стояли на рейде в ожидании разгрузки, а пловцы и флотилии пирог везли им бочки с пальмовым маслом. Я зашла в полуразрушенный пустующий склад, наглядно свидетельствовавший о полном упадке Гран-

⁴⁹ Арматор – судовладелец (лат.).

Басама. Туризм только начинал возрождаться, до начала гражданских войн между сторонниками Лорана Гбагбо⁵⁰ и Аллассана Уаттары⁵¹ было еще далеко.

Я мало что понимала из речей ораторов, выступавших на политических митингах, потому что все они говорили на местных языках. Я воспринимала эти собрания как спектакли, барбчные и загадочные – из-за отсутствия «либретто». Меня впечатляло присутствие множества женщин в национальных одеждах с более чем выразительными лозунгами на груди: «Да здравствует Уфуэ-Буањи», «Да здравствует Филипп Ясе»⁵², «Слава Африканскому демократическому единству!». Я восхищалась пылкими речами, исполнением партийных гимнов и зажигательными номерами гриотов. В моем первом романе «Херемахонон», увидевшем свет в 1976 году, молодой герой Бирам III пребывает в убеждении, что идеалы революции преданы, и идет вразнос. Его преподавательница, уроженка Антильских островов по имени Вероника, моя альтер эго, чувствует то же, что чувствовала я на партийных митингах. Живя в Республике Берег Слоновой Кости, я чувствовала (во всяком случае, мне так казалось), как рождается новая Африка, которая будет полагаться лишь на собственные силы и избавиться от высокомерного патернализма колонизаторов. А еще меня мучило горькое чувство отстраненности от происходивших событий.

Чуть позже я встречала в порту Абиджана Ги Тирольена, вернувшегося из Франции, чтобы снова занять прежний пост. Он, как я уже говорила, развелся с моей сестрой Эной, что рассорило наши семьи, когда-то так гордившиеся этим союзом: родителям нравилось, что дети Великих негров вступают в брак друг с другом, основывая династии. Мы с Ги остались друзьями благодаря его второй жене Терезе, с которой я училась в Пуэнт-а-Питре, но не только поэтому. Меня восхищали его ум, скромность и решительный характер, и я была почти готова считать Ги образцом для подражания. Он относился к числу ревностных сторонников АДО и на постах, которые занимал с 1944 года, делал все для сближения антильцев с африканцами ради эмансипации Черных народов. В Париже Ги вместе с Алиуном Диопом⁵³ основал журнал «Африканское присутствие».

Мы обнялись, и он сразу задал мне ключевой для него вопрос: «Ты любишь Африку?» – «Да...» – пролепетала я, хотя провела в стране слишком мало времени и не успела узнать ее.

«Нужно любить Африку! – воскликнул он, прожигая меня взглядом насквозь. – Она наша мать! Мать всех страдальцев...»

Ги произнес панегирик Уфуэ-Буањи, заявил, что очень скоро он станет президентом и продолжит трудиться на ниве эмансипации чернокожего человека.

Я слушала разглагольствования Ги и пожирала глазами его новую тещу. Она приехала, чтобы заботиться о трех малолетних внуках. Как же я завидовала Терезе, как хотела, чтобы рядом со мной была моя мать, хоть и понимала, что гордячка Жанна Кидаль ни за что не стала

⁵⁰ Лоран Куду Гбагбо (род. в 1945) – президент Кот-д'Ивуара (2000–2011). Первый глава государства, представший перед Международным уголовным судом за преступления против человечности. После оправдания судом в 2019 г. остался жить в Бельгии.

⁵¹ Аллассан Драман Уаттара (род. в 1942) – действующий президент Кот-д'Ивуара с 4 декабря 2010 г., де-факто – с 11 апреля 2011 г., председатель партии «Объединение республиканцев».

⁵² Филипп Грегуар Ясе (1920–1998) – ивуарийский политик, генеральный секретарь Демократической партии Кот-д'Ивуара вплоть до упразднения поста. Он был так называемым «дофином» Феликса Уфуэ-Буањи, с которым тесно сотрудничал, и многие ожидали, что он станет преемником Уфуэ-Буањи, но тот стал настороженно относиться к влиянию Ясе и в 1980 г. фактически отрекся от него и оборвал его политическую карьеру.

⁵³ Алиун Диоп (1910–1980) – сенегальский писатель и редактор, центральная фигура движения за деколонизацию и основатель интеллектуального журнала *Présence africaine* – «Африканское присутствие» (франц.) – panaфриканского ежеквартального культурного, политического и литературного журнала, издаваемого в Париже (Франция), основанного Диопом в 1947 г. В 1949 г. *Présence Africaine* расширился, включив в себя издательство и книжный магазин на улице Эколь в Латинском квартале Парижа. Журнал оказал большое влияние на panaфриканское движение, борьбу за деколонизацию бывших французских колоний, а также на рождение и развитие Негритюда.

бы жить в забытой богом африканской дыре! Тереза заметила мою грусть и спросила очень мягко и участливо: «Как ты себя чувствуешь? Не слишком устала?»

Я попросила ее не волноваться понапрасну, мы пообедали, и она усадила меня в такси. Встреча с друзьями опечалила меня: я была одинока в Бенжервиле и мало что могла сделать для Африки, так нуждавшейся в помощи.

Я стала чаще выходить с Кофи Н'Гессаном, а если не было занятий, прыгала в легендарное «сельское такси», предтечу сегодняшних автобусов, и отправлялась в Абиджан. Я смотрела по сторонам, жадно впитывая городские впечатления: женщины с детьми за спиной сидели на скамеечках и предлагали прохожим разнообразную еду, полицейские парами патрулировали улицы. Абиджан в тот момент еще не стал экономической столицей Западной Африки (недавние беды лишили его этого статуса), но жизнь здесь была «обильной». Переправиться через лагуну Эбри можно было по мосту Уфуэ-Буаьи, который строили три года (1954–1957). Судя по тому, что за рулем многих машин сидели местные жители, в стране зарождался класс национальной буржуазии. Предместья (ныне – городские коммуны города) Плато, Трейчвиль, Аджаме и Маркори имели процветающий вид, жизнь там была ключом. Как же мало все это походило на Дакар!

Да, я часто гуляла по городу, но никогда ни с кем не разговаривала и успехов в познании Матери-Африки не делала, повсюду оставаясь сторонней наблюдательницей. Я и подумать не могла, что прошлое меня догонит. Гваделупка Жослин Этьен, занимавшая в одно время со мной комнату в общежитии имени Пьера де Кубертена на улице Ломона⁵⁴, стала важной шишкой в Министерстве культуры. Николь Сала, еще одна гваделупка, с которой я общалась в Париже, переехала в Абиджан. Она вышла замуж за африканца, что ничуть не шокировало наш узкий круг, поскольку Сейни Лум был не каким-то там *первым встречным*, а талантливым адвокатом, одним из первых послов независимого Сенегала. И Жослин, и Николь, принимавшие у себя политиков и других именитых граждан (как африканского, так и антильского происхождения), часто звали меня в гости и вели себя очень сердечно, но я догадывалась, что руководствовались они скорее чувством долга – нужно проявлять солидарность с согражданами! – и ностальгическими воспоминаниями о былом. Я не вписывалась в «избранное общество», и мне всякий раз чудилось, что Николь и Жослин испытывают некоторую неловкость из-за необходимости общаться с простой незамужней учительницей захудалого коллежа, ждущей второго ребенка, у которой нет даже машины, и она ездит в «сельском такси», набитом простыми африканцами. Было бы совсем нетрудно найти предлог, чтобы не идти в гости, но у меня не получалось, и я ела себя за это поедом и не понимала истоков зарождавшейся в душе ненависти к буржуазности. Неужели мое поведение продиктовано сожалением о собственной исключенности из «хорошего общества»? Я не сдержала ни одного мысленного обещания, данного семье и моему окружению. В рассказе «Виктория, вкусы и слова» я описала, как сильно мои родители кичились принадлежностью к сословию Великих негров. Они верили, что их святая обязанность – быть примером для всей расы в целом. (Замечу, что слово «раса» не имело тогда нынешней коннотации⁵⁵.) Что сказали бы мать и отец о своей младшей дочери, на которую возлагали столько надежд? Подвергнув совесть холодному и жестокому самоанализу, я назвала себя лицемеркой.

В этот самый момент изредка писавшая мне Жиллетта сообщила, что умер наш отец. Он, как я уже говорила, не слишком любил меня, младшую из десяти детей от двух жен, ему не нравились слабость и уязвимость, угадывавшиеся за внешней привлекательностью, и все-таки эта смерть стала для меня ужасным ударом. На острове, где я родилась, теперь остались только

⁵⁴ Шарль-Франсуа Ломон (1727–1794) – французский священник, аббат, филолог, историк, писатель и педагог, почетный профессор Парижского университета.

⁵⁵ Поскольку расизм в реальном мире существует, термин «раса» следует использовать с учетом того, что уже само слово сразу наводит на мысль о реальной расовой ненависти, фанатизме и даже геноциде.

могилы близких, возврата туда быть не могло. Уход отца оборвал последнюю ниточку, связывавшую меня с Гваделупой. Я стала не только сиротой, но и *лицом без родины, гражданства* и постоянного места жительства, зато почувствовала себя свободной от чужих оценок.

Итак, я существовала в своего рода ментальном дискомфорте, редко пребывала в мире с собой, почти все время чувствовала себя несчастной, но тут на меня обрушилось немыслимое счастье. Третьего апреля 1960 года родилась моя первая дочь Сильви-Анна. Беременность я перенесла легко, не было ни утренней тошноты, ни судорог. Накануне родов мы с Дени и мадемуазель Лизеттой совершили долгую прогулку, после чего один коллега, уроженец Мартиники Каристан, отвез меня на своей машине в Центральную больницу Абиджана. Я ощутила прилив материнской любви, как только акушерка протянула мне дочь. Господь свидетель – несмотря на обстоятельства его рождения, я никогда не считала Дени виновником всех несчастий, но, взрослея, мой мальчик становился все больше похож на своего отца, которого я ненавидела. У Дени были его светлая кожа, улыбка, смех, тембр голоса и карие глаза. Моя бывшая любовь окрасилась в цвет боли. Недавно, на показе «Агронома», я плакала и сама не знала, по кому лью слезы. По сыну? По Жану Доминику, которого убили, как паршивого пса? С Сильви-Анной все получилось иначе. Очень просто. Мое сердце купалось в бесконечной нежности. По ночам я просыпалась и бежала проверить, жива ли моя драгоценная девочка, могла часами смотреть на нее. Любовь к дочери побудила меня написать Конде и предложить познакомиться с малышкой. Я чувствовала, что не имею права лишать Сильви-Анну отца. Конде ответил сразу, написал, что будет счастлив, и пригласил приехать в Гвинею во время ближайших летних каникул.

Седьмого августа в Абиджане праздновали годовщину обретения независимости. За мной заехал Коффи Н'Гессан. В машине сидели две его младшие жены (две старшие взяли свой автомобиль) в парадных вышитых одеждах, драгоценностях, с пышными тюрбанами на головах. Они посмотрели на меня с недоверчивым любопытством, как на неизвестное и потому опасное животное. Я была женщиной – как и они, – но это несколько нас не сближало.

«Они не говорят по-французски!» – сообщил Коффи, не озаботившись представлением.

На всех подступах к городу стояли полицейские патрули, так что джип пришлось оставить на парковке и дальше идти пешком. На улице было много народу, и мы продвигались медленно, оглушенные грохотом барабанов и завываниями гриотов, лавируя между клоунами, акробатами и танцорами. Некоторые были на ходулях и выделяли немыслимые антраша. Жены Коффи зашли в местное отделение АДО, а мы остались ждать под палящим солнцем. Через час на кабриолете прибыл Уфуэ-Буаьи. В те годы телевизор был предметом роскоши, я знала «великого человека» только по фотографиям в газетах и теперь пожирала его глазами. Это был маленький шуплый мужчина с непроницаемым выражением лица, словно бы сделанного из старой кирзы. Он повторял, глупо размахивая руками: «Мы вместе, белые и черные! Прошу вас, дайте дорогу!»

Ликующая толпа вопила, а я думала: «Ты переживаешь исторический момент...»

Коффи пытался объяснить охранникам, что я приехала издалека (из Гваделупы?) специально на церемонию, но меня все равно не пустили в Национальное собрание на интронизацию. У меня не было ни именного приглашения, ни членского билета, ни действующей карточки избирателя, пришлось уйти с обидным ощущением изгойства. В первый, но далеко не в последний раз в Африке. На автовокзале я села в пустое «сельское такси» и получила от косматого, как идол, водителя первый урок трайбализма⁵⁶. Вид у него был угрюмый, он явно не разделял всеобщую радость.

⁵⁶ Трайбализм – форма групповой обособленности, характеризующаяся внутренней замкнутостью и исключительностью,

- Разве сегодня не великий день? – спросила я.
– Уфуэ-Буаньи – бауле⁵⁷, – ответил он. – А я – бете!⁵⁸
– И что с того?

Он пожал плечами.

- Теперь у бауле будет все, а бете останутся бедняками.

Вернувшись в Бенжервиль, я забрала Дени и Сильви от Каристанов. Глубоко равнодушные к политике, они спокойно играли в белот.

– Хорошо все прошло? – спросил мсье Каристан и продолжил, не дожидаясь ответной реплики: – Вот увидишь, это ничего не изменит! Белые будут по-прежнему указывать нам, что делать. Этот Уфуэ-Буаньи их креатура, как и Сенгор. Он их пешка, не зря же столько раз получал министерские посты во французском правительстве.

Я ничего не могла ответить – у меня не было собственного мнения, – знала только, что Ги Тирольен и Коффи Н'Гессан считали Уфуэ-Буаньи лидером, «могучим, как слон», символом движения, чьей единственной заботой была эмансипация народа. Я молча приняла из рук мадам Каристан чашку кофе.

Несколько дней спустя Коффи наконец осмелился на признание, посулил мне место в Абиджанском лицее и показал квартиру, где я буду жить в следующем учебном году. Ультрасовременную, с видом на лагуну. Я не могла ответить на чувства Коффи, но и провести в Бенжервиле еще один год не хотела, а потому позволила себя поцеловать и... приняла все вышеперечисленное. Будь что будет! На следующей неделе я заплатила за две недели моему любимому слуге Жиману и улетела с детьми на две недели в Гвинею, как было условлено с Конде.

Оценивая первое пребывание в Африке, вынуждена признать, что оно ничем меня не «обогастило». В Буакее купила несколько фигурок божков племени бауле, символизирующих плодovitость и плодородие. Это были деревянные куколки со смешными головками-шариками и растопыренными ручками. Они и сегодня смотрят на меня пустыми глазами и остаются символом Черного континента. Больше я ничего не увидела. И не услышала.

И все-таки Берег Слоновой Кости оставил незабываемые впечатления. Я никогда не забуду восторг, пережитый в храме из ба́рочного леса⁵⁹ на подъезде к Бенжервилю, и любовь с первого взгляда к остаткам колониального прошлого в Гран-Бассаме. Я любовалась красотой женщин, их затейливыми прическами, манерой одеваться и пристрастием к украшениям. В 2010 году, начав писать свой последний роман «В ожидании паводка», я не удержалась от искушения поселить одного из героев, Бабакара, в Абиджане. Годы гражданской войны разрушили город, и я таким образом выразила свою печаль и сочувствие.

Я тогда впервые летела самолетом, и мы с Дени оба ужасно трусили. Я сидела, прижавшись носом к стеклу иллюминатора, и с трепетом смотрела на темный ковер леса, расстлавшийся у нас под крылом. На кроваво-красную землю и огромный сверкающий океан.

обычно сопровождается враждебностью по отношению к другим группам. Пережиток племенного строя, межплеменная вражда.

⁵⁷ Бауле – народ группы акан, одной из крупнейших в Кот-д'Ивуаре, исторически мигрировавшей из Ганы. Бауле – традиционно фермеры, живущие в центре страны между реками Бандама и Нзи.

⁵⁸ Бете – народ на юго-западе Кот-д'Ивуар в междуречье среднего течения рек Сасандра и Бандама. Численность 8,4 млн человек.

⁵⁹ Ба́рочный лес – древесный строительный материал, полученный путем разборки на части старой, уже непригодной для плавания барки, либо деревянной баржи. Использовался для хозяйственных и строительных нужд (включая возведение из него построек).

Второй полет над гнездом кукушки

В 1960 году Конакри⁶⁰ не выдерживал сравнения не только с Абиджаном, но даже с Бен-жервилем. Это крошечное поселение украшало только роскошное лиловое море, захлестывающее пляжи Ле-Ке⁶¹. Несколько административных зданий, банки и государственные магазины были очень красивы, все остальные – казались прочными, но скучными. Женщины собирались у колонок, где можно было напиться и нацедить немного воды. Дети, одетые в ветхие лохмотья, имели все признаки квашиоркора⁶². Я никогда не жила в стране, где ислам был титульной религией, ничего не знала об этом вероучении, и меня потрясли молившиеся на рассвете талибы, нищие и калеки, собиравшиеся вокруг мечетей. Замирая от восхищения, я смотрела на сидящих в пыли стариков, перебирающих бусины четок, умилялась на стайку мальчиков, тянущихся в медресе с дощечками под мышкой⁶³. Одним словом, я влюбилась в обездоленное судьбой место. Из всех городов, где я жила, Конакри – мой самый любимый. Он стал воротами в Африку, там я поняла значение слова *отсталость*, там воочию увидела высокомерие богатей и нужду слабых.

В аэропорту Конде одинаково горячо расцеловал свою дочь Сильви и Дени, которого видел впервые в жизни.

– Можно мне звать вас *папой*? – церемонно спросил мой сын.

– Я и есть твой папа! – расхохотался в ответ Конде.

Сколь бы невероятным это ни показалось читателям, больше мы никогда не обсуждали «семейный статус» Дени. Не говорили о Жане Доминике. Конде не спросил, кто отец мальчика и при каких обстоятельствах он появился на свет. Он проявил сдержанность, хотя был прозорлив и понимал, что Африка стала моим единственным спасением и я ни за что не вышла бы за него, если бы не мучительное прошлое. Это «умолчание» висело между нами худшим из проклятий. Конде на свой, сдержанный, манер усыновил Дени и всегда относился к нему, как ко всем нашим общим детям, которым только предстояло увидеть свет.

Конде сопровождал Секу Каба, бывший его соученик по школе, а теперь – руководитель администрации Министерства труда и государственной службы. Этот изящный немногословный человек стал моей опорой и поддержкой. Я все еще тосковала по старшему брату Гито, которого в двадцатилетнем возрасте унесла проклятая наследственная болезнь Буколонов – нарушение координации движений, затрудненность речи, и Секу не только стал моим наставником, но и заменил брата. У нас никогда не было ни романтических, ни сексуальных отношений. Учась в Дакаре, Каба делил комнату с Секу Туре (будущим первым президентом Гвинеи с 1958 по 1984 год) и почитал его, как Всевышнего. Он учил меня «африканскому социализму», давал читать зубодробительные труды об истории и роли Демократической партии Гвинеи, жизнеописания президента и некоторых министров.

Мы с Конде были одинаково бедны, поэтому поселились у него, в портовом квартале, в доме, который занимали его жена, две дочери, куча братьев, сестер, кузенов, кузин, невесток

⁶⁰ Конакри, или Конакри – столица Гвинеи с 1958 г. и административный центр одноименного административного региона. Порт на побережье Атлантического океана.

⁶¹ Ле-Ке – город на юго-западе Гаити, на территории Южного департамента. Абсолютная высота – 0 м над уровнем моря.

⁶² Квашиоркор (на языке местного населения Ганы «красный мальчик») – тяжелая форма алиментарной дистрофии у детей, развивающаяся в результате белкового голодания; характеризуется задержкой физического развития, распространенными отеками, нарушениями пигментации кожи и кишечного всасывания, психическими расстройствами.

⁶³ Ляух – деревянная дощечка для заучивания Корана в африканских медресе, переводится как «доска» или «скрижаль». Ученик с помощью изготовленного им самим каляма (палочки для письма) и чернил записывает на ляухе отрывок из Корана и учит его наизусть. Выучив записанную им страницу, ученик рассказывает ее учителю. Если он не смог выучить ее или выучил с ошибками, то эта страница остается у него на дощечке. Если же ученик успешно сдает отрывок, то он смывается водой, и дощечка очищается для записи следующей страницы.

и зятьев. Дом находился в двух шагах от мечети, и каждое утро нас будил крик муэдзина, к которому я никак не могла привыкнуть. «Катапультировалась» утром из кровати и начинала мечтать о подвигах, но что я могла совершить?

– Ты слишком экзальтированная, дочь моя! – насмешничал Конде. – Избыточно восторженная!

Я не сумела сблизиться с Гналенгбе, женой Секу, хотя очень старалась: мне хотелось, чтобы она обращалась со мной, как старшая сестра. Гналенгбе часто хохотала и болтала на кухне с другими женщинами, но, стоило мне появиться, умолкала, сделав каменное лицо. Кончилось тем, что я пожаловалась:

– Она что, боится меня? – с обидой спросила я.

– Ты ее смущаешь! – раздраженно ответил он. – Она плохо говорит по-французски, потому что совсем не ходила в школу. Она носит не платья, а пагне...⁶⁴ Понимаешь? Моя жена комплексует. Если выучишь малинке⁶⁵, сможешь с ней сблизиться.

Все кому не лень давали мне этот совет, а я злилась, потому что давно поняла простую истину: хочешь разобраться в сути африканских обществ, говори с ними на одном языке.

Учи малинке! – советовал представитель этого народа.

Учи фула! – говорил пёлец.

Учи сусу! – воскликнул бы один из племени сусу.

Секу не смирился с моими отношениями с Конде и не желал ничего слышать о разводе. Он умолял меня покинуть Берег Слоновой Кости и остаться с ним в Гвинее, обещая обеспечить работой. Под его давлением я однажды утром сдалась и отправилась в иммиграционную службу, предъявила новенькую семейную книжку и запросила гвинейский паспорт. Скажу честно: это не было ни политическим решением, ни жестом пламенной активистки. Я радовалась, отказываясь от французского гражданства, и мнила себя свободным человеком. Я начала принимать себя.

– Заполните это! – велел скучающий клерк, выложив на стойку несколько листов.

– Незачем! – заявил другой, появившись из-за его спины. – Гвинейское гражданство полагается мадам благодаря замужеству. В качестве добавки, так сказать.

Скажу честно – я ничего не поняла, но с радостью взяла замечательный документ в зеленой обложке, не догадываясь, что однажды он будет жечь мне руки, что снова стану французской гражданкой и буду благодарить Бога за то, что не дал заполнить ни одной бумажки.

Конде делал вид, что не вмешивается, чтобы не повлиять на мои решения, и не предлагал снова жить вместе. Я часто спрашиваю себя, не понимал ли он уже тогда, что рано или поздно мы расстанемся. Он окружил детей отцовской заботой. Купал Сильви-Анну, используя вместо мочалки пучок сухой травы, каждый вечер облачался в шорты и футболку и говорил Дени:

– Идем играть в мяч!

Бедный малыш бросал все дела и бежал следом за... отцом, замирая от счастья.

⁶⁴ Обертка, лаппа или пагне – красочная одежда, которую носят мужчины и женщины Западной Африки. Версии варьируются от простой драпированной одежды до скроенных ансамблей. Вид обертки зависит от ткани, используемой для ее создания.

⁶⁵ Гвинея – многоязычная страна, где говорят на 39 языках. На малинке говорит 30 % населения, он имеет статус «национального» языка. Еще несколько языков коренных народов имеют такой статус: фула (фулани, пулар), сусу, киси, кпелле (герзе) и тома. Французский является языком государственных и официальных учреждений. Его используют от 15 до 25 % населения. В конце режима Ахмеда Секу Туре (1984) французский был единственным языком в бизнесе и образовательной сфере.

История повторяется... не повторяясь

Я провела в Гвинее несколько недель и улетела во Францию с Дени и Сильви. Воздушный флот страны был оснащен новенькими русскими «Ил-18», и путешествовали мы со всеми удобствами. Я и сегодня не понимаю, почему не провела остаток отпуска в Конакри, ведь во французской столице меня ждали только горькие воспоминания. Эна продолжала меня игнорировать, Жиллетта ссылаясь на занятость, так что виделись мы редко. Эдди заканчивал учиться в Реймсе, Ивана вышла замуж за французского сельскохозяйственного инженера и жила в Камеруне, в городе Дшанг. Возможно, я поступила так, приспособливая свое поведение к манере колониальных чиновников, для которых отпуска во Франции всегда были святым делом. Кроме того, меня никто нигде не ждал, вот я и заполняла одиночество, как умела.

Я не хотела навечно застрять у Секу Кабы и жить скучной жизнью. Конде умел и любил бездельничать, спал допоздна, а я читала нудные тома «Истории ДПП». Секу возвращался с работы, и мы ужинали среди детского гомона и плача, супружеских ссор между братьями, шуринами, двоюродными братьями, их женами и со-женами, воплей гриотов из радиоприемника и болельщиков на ближайшем стадионе. У меня был выбор: остаться дома и слушать «тарабарские» передачи на национальном языке, пока Гналенгбе и ее гости веселят друг друга на кухне, или сопровождать Конде и Секу, которые каждый вечер куда-нибудь ходили. Вторым вариантом оказался не лучшим: в гостях я получала стакан тамариндового сока, и мужчины обо мне забывали, ведя шумные беседы на малинкé. Я сдалась. Сидела дома (вернее, лежала на кровати) с каким-нибудь скучным «партийным» чтивом, а другие женщины развлекались в гостиной. Я начала понимать, что мало понимать язык аборигенов, главное – научиться воспринимать мир поделенным на два «полушария», мужское и женское.

С Парижем я встретила без особого восторга. Заплатила мадам Бонанфан сколько смогла и доверила Дени ее заботам – она чуть не умерла от счастья! – потом нашла комнату в Интернациональном университетском городке на бульваре Журдан. По утрам бродила по улицам, заходила в книжные, музеи и художественные галереи, а во второй половине дня утоляла киноманский голод. Побывала на ретроспективе Луи Малья⁶⁶, насладились «Лифтом на эшафот», «Любовниками» и «Зази в метро». Стала чемпионкой по отпору любителям экзотической красоты.

Именно тогда я пережила свою вторую «гаитянскую страсть». Она так сильно отличалась от первой, что впору было поверить в шалости Судьбы, пославшей мне ее в качестве то ли компенсации, то ли издевки. Едва не уничтоживший меня остров Гаити вернулся.

Однажды вечером я возвращалась из университетского ресторана и встретила нескольких молодых парней, их было человек шесть, но мое внимание привлек только один. Жак В. был невысок (я всегда питала слабость к маленьким мужчинам), его черная кожа блестела, толстые губы выдавали чувственность натуры, голову венчала масса тяжелых выющихся волос, взгляд удивлял меланхоличностью. Кто-то спросил: «Вы гаитянка, мадемуазель?» – я не ответила, безмерно удивленная уважением, которое товарищи выказывали Жаку. В тот момент мне было невдомек, что он – внебрачный сын Франсуа Дювалье, избранного президентом республики, несмотря на все усилия Жана Доминика, и почти сразу проявившего себя безжалостным диктатором, «Тропическим Молохом», по меткому определению Рауля Пека⁶⁷. По его

⁶⁶ Луи Малья (1932–1995) – французский кинорежиссер, сценарист, кинопродюсер и кинооператор. Часто упоминается в связи с кинематографическим движением «Французская новая волна», однако его принадлежность к «новой волне» спорна.

⁶⁷ Рауль Пек (род. в 1953) – гаитянский кинорежиссер, сценарист, журналист и общественный деятель. Министр культуры

приказу тонтон-макуты⁶⁸ творили произвол, убивая целые семьи. Те, кому «повезло» больше, эмигрировали. Но эта чудовищная политическая реальность ни разу не встала между нами, не важны были ни культурные различия, ни несходство литературных вкусов. Окружающий мир рушился, голоса мира не проникали в невероятное небытие, где мы были замурованы. В июне 1960 года Бельгийское Конго получило независимость. В июле отделилась провинция Катанга. Лумумба⁶⁹, Каса-Вубу⁷⁰, Чомбе⁷¹, Мобуту⁷²... Эти имена, «явившиеся из экваториального леса», заняли первые страницы газет, но мы их больше не читали. Значение имело только неутолимое желание, которое мы испытывали друг к другу.

На сей раз в любви не было ни капли благородной интеллектуальности. Тела вели жадный диалог, мы неделями не разговаривали, питались хлебом с мармеладом «Мамба». Занимались любовью. А вечером ходили в «Элизе Матиньон» или в «Кубинскую хижину». Мало сказать, что Жак обожал танцевать. Его танец всегда был полон огня, страсти, ярости, точно так же он занимался любовью. Те годы были великой афро-кубинской эпохой: мамбо, ча-ча-ча, Селия Крус⁷³, «Сонора Матансеро»⁷⁴ и «Оркестр Арагона»⁷⁵ правили бал. Я никогда не умела танцевать. Родители воспитывали во мне презрение к атрибутам западного мира, навязываемым людям черной расы, к чувству ритма и чрезмерной чувственности. Я сделала неожиданное открытие: Жак в «отношениях» со своим телом был совершенно раскован, но я не пыталась подражать ему, потому что не хотела показаться смешной другим танцорам и, терзаясь завистью и ревностью, сидела за столиком со стаканом *Planteur*⁷⁶ и пыталась делать хорошую мину при плохой игре. Мы часто оставались в клубе до рассвета и возвращались домой по мертвенно-бледному Парижу, мимо метельщиков во флуоресцирующих фартуках, и спускались в метро в компании сонных гуляк, чтобы вернуться в Университетский городок. Надеюсь, никто не упрекнет меня за то, что предавалась страсти с сыном одного из самых кровавых диктаторов мира. Я жила страстью. Страсть не анализирует и не занимается морализаторством, она изнуляет, горит и сжигает.

В середине октября я все-таки собралась с силами и вернулась в свою комнату, оставив спящего Жака, побросала вещи в чемоданы, плохо соображая, что делаю, и первым поездом уехала в Шартр, забрала Сильви и Дени, отправилась в Орли и полетела в Гвинею. Сама не знаю, зачем так наказала себя, наверное, мною руководило неверно понятое чувство материнского долга. Я верила, что действую на благо детям. Говорила себе: «Долой эгоизм и легкомыслие! Дени и Сильви-Анна не должны расти с матерью-одиночкой! Они имеют право на

(1995). В годы диктатуры Дювалье бежал в Конго, где жил его отец.

⁶⁸ Тонтон-макуты – гаитянское военизированное формирование и ультраправая политическая группировка. Объединяли функции эскадронов смерти, полиции, госбезопасности и дювальеристской политической организации, истребляли политическую оппозицию, осуществляли рэкет в отношении предпринимателей, терроризировали население.

⁶⁹ Патрис Эмери Лумумба (1925–1961) – первый премьер-министр после провозглашения независимости Конго (1960), национальный герой, поэт и один из символов борьбы народов Африки за независимость.

⁷⁰ Жозеф Касса-Вубу (1910–1969) – первый президент Конго после провозглашения независимости.

⁷¹ Моиз Капенда Чомбе (1919–1969) – президент непризнанного государства Катанга (1960–1963), премьер-министр Республики Конго (Леопольдвиль) в 1964–1965 гг. Главный противник П. Лумумбы (некоторые даже считают его ответственным за убийство). При режиме Мобуту заочно приговорен к смертной казни. Скончался в эмиграции под домашним арестом.

⁷² Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду ва за Банга, урожденный Жозеф-Дезире Мобуту (1930–1997) – президент Демократической Республики Конго (1965–1997), в 1971 г. переименованной им в Заир.

⁷³ Селия Крус, полное имя Урсула Илария Селия Каридад Крус Алфонсо (1925–2003) – певица, популярная латиноамериканская исполнительница сальсы.

⁷⁴ *La Sonora Matancera* – кубинская группа, исполнявшая латиноамериканскую городскую популярную танцевальную музыку. Основана в 1924 г., возглавлялась более 50 лет гитаристом, вокалистом, композитором и продюсером Рохелио Мартинесом – иконой этой музыки.

⁷⁵ *Orquesta Aragón* – кубинский оркестр типа чаранга, основанный в 1939 г. Орестом Арагоном в Сьенфуэгосе, чья музыка представлена в формате фанфар с традиционным кубинским звучанием.

⁷⁶ «Плантатор» (*франц.*) – пунш из белого рома и фруктового сока.

родину, крышу над головой и отца». Не помню, как добралась до Конакри, и в машине Секу Кабы от страха лишилась чувств. Я была так слаба, что слегла, кружилась голова, трудно было совершать самые простые действия – напиться воды, умыться, одеться, что-нибудь съесть... Большую часть времени я оставалась в своей комнате.

– Ты не умрешь, мамочка? – шепотом спрашивал малыш Дени, а я молча прижимала его к себе, не имея сил ответить. Гналелгбе и Конде считали, что во всем виновата свирепствующая в стране малярия. Он заставлял меня принимать хинин и пить горький тонизирующий чай из кенкелибы, но не мучил расспросами о Париже, боясь усугубить ситуацию.

Я двигалась, как зомби, вздрагивала, когда ко мне обращались, и Конде перешел спать на циновку, стоило мне признаться, что я даже помыслить не могу о физическом контакте с ним. Секу Каба удрученно наблюдал за крахом нашего супружества. Из письма Эдди я узнала, что Жак приезжал в Реймс, просил у нее мой адрес в Конакри и вел себя как безумец. Сказал, что отправит в Гвинею эскадрон тонтон-макутов, они убьют Конде и заберут меня, а потом мы уедем на Гаити.

Состояние моего здоровья ухудшалось, и я в конце концов отправилась на прием в находившийся по соседству диспансер, к доктору-поляку. Выяснилось, что я снова беременна.

Беременна!

Я безутешно рыдала, потому что меньше всего на свете мне нужен был еще один ребенок. Я думать не думала о данном Коффи Н'Гессану поспешном обещании поселиться в Абиджане и снова чувствовала себя жертвой рока. Беременность накрепко привязала меня к Конде и Гвинее.

Выхода не было.

«Мы предпочитаем свободу в бедности богатству в рабстве»

Секу Туре

Все произошло очень быстро. Секу Каба так радовался переменам в моей жизни, что немедленно исполнил обещание – я получила место преподавателя французского языка в коллеже для девочек, расположившемся в красивом здании колониальной эпохи на зеленой окраине Конакри, в районе Бельвю. Директорствовала там очаровательная уроженка Мартиники мадам Бачили. В Гвинее, как и в Кот-д’Ивуаре, антильцы работают в учебных заведениях всех уровней, но не живут сплоченной общиной, больше всего озабоченной изготовлением кровяной колбасы и аккраса – острого теста для пончиков с добавлением трески. Политизированные, убежденные марксисты, эти люди пересекли океан, чтобы оказать всю возможную помощь молодому государству, очень в ней нуждавшемуся. Встречаясь за чашкой чая «долгой жизни» из кинкелибы (воистину бесценного напитка!), они обсуждали идеи Антонио Грамши⁷⁷, Карла Маркса или немецкого философа-идеалиста Фридриха Гегеля. Как-то раз я зачем-то пошла на одну из таких «ассамблей» на вилле профессора философии Макфарлана, уроженца Гваделупы, женатого на очень красивой француженке.

«Вы, кажется, одна из Буколонов! – радостно воскликнул он, сильно меня удивив. – Я рос по соседству, на улице Дюгомье, и хорошо знал вашего брата Огюста».

Огюст был старше на двадцать пять лет, и мы почти не общались из-за разницы в возрасте. Семья очень гордилась им как первым агреже⁷⁸ родной страны в области филологии. Ко всеобщему сожалению, Огюст не имел никаких политических амбиций и провел всю жизнь в швейцарском Аньере, в загородном доме и полной безвестности. Сравнение с братом – о ужас! – означает, что меня разгадали! Если не поостерегусь, Великие негры снова меня сцапуют.

– Ваш муж в Париже? – продолжил расспросы хозяин дома.

Я ответила уклончиво – ничего другого не оставалось! – сказав, что он заканчивает учебу.

– В какой области?

– Он хочет стать артистом и занимается в консерватории на улице Бланш.

По выражению лица собеседника я ясно поняла, как мало он ценит подобное призвание. Весь следующий час профессор читал вслух политическое эссе – неизвестно чье и о чем.

С того дня я старательно избегала встреч с левыми педантами, приняв решение не иметь никаких связей с гваделупской диаспорой, но однажды все-таки сделала исключение. Одна из двух сестер мадам Бачили – изысканная красавица Иоланда – вела историю в лицее Донка и была главой Ассоциации преподавателей истории Гвинеи. Мы стали очень близки – несмотря на все ее регалии. Как многие соотечественники, мы жили в рыбацком квартале Бульбине, в двух одиннадцатизэтажных, анахронично современных башнях, стоявших лицом к морю. Лифт никогда не работал, поэтому Иоланда останавливалась на моем втором этаже, прежде чем продолжить восхождение на свой верхний. Она жила с Луи, настоящим бенинским принцем, прямым потомком короля Беханзина⁷⁹, великого борца с французской колонизацией. Он долго был в изгнании на Мартинике, в городе Фор-де-Франс, а умер в Алжире, в Блиде. После смерти в

⁷⁷ Антонио Грамши (1891–1937) – итальянский философ, журналист и политический деятель; основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии и теоретик марксизма.

⁷⁸ Агреже (принятый в общество) – ученая степень во Франции и Бельгии, дает право преподавать в средней профессиональной школе и на естественно-научных и гуманитарных факультетах высшей школы.

⁷⁹ Беханзин (1844–1906) – король Дагомеи (1889–1894), африканского доколониального государства, существовавшего на протяжении 280 лет на побережье Западной Африки, на территории современных Бенина и Того.

1906 году останки Беханзина были перезахоронены в Абомее в Бенине. У Луи была настоящая музейная коллекция предметов, принадлежавших его предку: трубка, табакерка, маникюрные ножницы и – главное – масса фотографий старого суверена. Его умное решительное лицо навевало мечты. Годы спустя я все еще помнила о нем, когда писала роман «Последние волхвы» и представляла себе жизнь в изгнании и насмешки обывателей: «Африканский король? Что это за птица?»

Я представляла, как ужасали его наши грозы и свирепые циклоны, которых он не знал на родине. Мне захотелось «приписать» ему антильское потомство в лице Сперо и сделать владельцем газеты.

Луи Беханзин, человек на редкость умный, тоже преподавал историю в лицее Донка. Он пользовался доверием Секу Туре и был автором реформы образования – колоссального и, увы, незавершенного труда. Я искренне восхищалась Иоландой и питала к ней дружеские чувства, хотя никогда в этом не признавалась. Она говорила мне правду в глаза и часто отчитывала, не стесняясь в выражениях: «Как можно вести такую растительную жизнь при вашем-то уме?»

Не уверена, что была действительно умна.

Никто не подозревал, что я часто хотела умереть, настолько была несчастна. Иоланда и Луи считали причиной моей депрессии разлуку с мужем. Конде вернулся в Париж, чтобы закончить консерваторию. Новость о моей беременности он принял как истинный фаталист. «На этот раз родится мальчик! – заверил он меня, как будто это могло подсластить пилюлю. – И мы назовем его Александром».

– Александром? – изумилась я, вспомнив его негодование по поводу «западности» (!) имени Сильви-Анна, выбранного мной для дочери. – Разве можно назвать Александром ребенка из народа *малинке*?

– Плевать! – ухмыльнулся он. – Это имя завоевателя, и мой сын будет завоевателем!

Общий сын у нас так и не появился, а вот вторая супруга родила Конде двух или трех мальчиков.

Когда Эдди написала, что Конде завел любовницу, мартиникскую актрису, меня это совсем не задело. Я думала только о Жаке, приходя в отчаяние из-за абсурдности своего поступка и не понимая, зачем бросила его.

Перед началом учебного года в коллеже Бельвю мадам Бачили собрала сотрудников в учительской. Все были «экспатриантами»: много французских коммунистов, политические беженцы с африканских территорий, находящихся южнее Сахары, из Магриба, двое мальгашей с Мадагаскара. Мы пили эрзац-кофе, грызли сухой крекер, а она объясняла, что наши ученицы происходят из семей, где девочкам никогда не давали среднего образования. Их матери иногда заканчивали один или два класса начальной школы и умели разве что написать свою фамилию. Им было неуютно на школьной скамье, они предпочитали возиться на кухне или торговать барахлом на рынке, поэтому преподавателям следовало прилагать вдвое больше усилий, чтобы внушить ученицам интерес к учебе.

Я была в таком состоянии, что пропустила наставление мимо ушей. Впоследствии я уделяла молодым много внимания, но тогда находила своих учениц вялыми и глупыми и совсем ими не интересовалась. Мои занятия очень скоро превратились в скучную «обязаловку», я учила девочек орфографии, грамматике и правильным оборотам речи, а иногда читала и объясняла отрывки из произведений, рекомендованных таинственными «комитетами образования и культуры». Выбор основывался не на литературной ценности текстов, а на их социологическом аспекте. К моему удивлению, во все «пересмотренные» учебники была помещена «Молитва маленького негритенка» гваделупского поэта Ги Тирольена. Дома я ничего не читала, потому что буквы плясали у меня перед глазами, не слушала радио – я возненавидела нескончаемые

вопли гриотов. Медленно и незаметно в душе зарождалась ненависть к этой стране. Я с нетерпением ждала ночи, чтобы во снах воссоединиться с Жаком.

На плаву меня держали только мои чудесные дети Дени и Сильви. Они без конца целовали печальное мамочкино лицо (именно тогда я разучилась улыбаться), а мне становилось все хуже.

С террасы квартиры в Бульбине я каждый день наблюдала удивительное зрелище. В 17:30 президент Секу Туре – прекрасный, как солнце, в пышных белых бубу, с непокрытой головой – катил вдоль моря в своем кабриолете «Мерседес 280SL». Рыбаки бросали сети на песок и приветствовали его, столпившись на обочинах дороги. Не думаю, что кого-нибудь, кроме меня, больно ранил контраст между всемогущим человеком и горемыками в лохмотьях, подданными, аплодировавшими своему кумиру.

– Какой отрадный пример демократизма! – перебивая друг друга, повторяли Иоланда и Эдди.

– У него нет телохранителей! – подпевал Секу Каба.

Общеизвестно, что Гвинея была единственной франкофонной страной Африки, с гордостью провозгласившей строительство социализма. Обеспеченные граждане пересели из французских машин в «Шкоды» и «Волги», везунчики летали в отпуск на «Ил-18» и «Ту-114». Частную торговлю упразднили, в каждом квартале открыли по государственному магазину, где следовало отовариваться, хотя ассортимент там был скудный, и выживали мы только за счет бартера, строжайше запрещенного под флагом борьбы с «черным рынком». Тех, кто попался на таких сделках, наказывали, и все очень боялись разного рода инспекторов. Методом проб и ошибок я научилась не брать чешское концентрированное молоко, вызывавшее у детей кровавый понос (я едва не потеряла Сильви, напоив ее этой отравой!), и русский сахар, не растворявшийся даже в кипятке. Сыр, мука и жиры стали практически недоступны. Я часто рассказывала, как придумала в 1976 году название для моего первого романа, во многом вдохновленного жизнью в Гвинее, – «Херемахонон», что в переводе с языка малинке означает: «Жди счастья». Так окрестили магазин в квартале Бульбине, который вечно пустовал, а продавщицы начинали ответ на любой вопрос со слова «завтра», ставшего синонимом вечной мечты.

«Завтра будет масло!»

«Завтра будет томатная паста!»

«Завтра будут сардины!»

«Завтра будет рис!»

В моей голове смешались воспоминания о двух несхожих событиях начала 1961 года, подтверждающих, что сердце не умеет определять порядок подчиненности, ставя на одну доску общее и частное.

Четвертого января Жиман (Секу Каба помог мне вызвать его из Кот-д'Ивуара) уехал назад, проведя в Гвинее всего несколько месяцев. Отсутствие некоторых (большинства!) продуктов не позволяло ему должным образом готовить нам еду, и он то и дело возмущенно повторял: «Что это за страна, где нет масла?» Жиман не внял знаменитой красивой максиме Секу Туре: «Мы предпочитаем свободу в бедности богатству в рабстве». Меня мало волновал тот факт, что любой «сознательный» гражданин должен был причислить его к «поганым контрреволюционерам»: провожая Жимана в порту, я рыдала от отчаяния, мне хотелось умолять старика остаться, но я каким-то чудом удержалась.

Семнадцатого января в Конго убили Лумумбу, и в Гвинее был объявлен четырехдневный национальный траур. Хотелось бы написать, что это событие потрясло меня, но это было бы неправдой. Я не интересовалась первыми конвульсиями бывшего Бельгийского Конго, имя Лумумбы мало что для меня значило, но я все-таки пошла на Площадь мучеников, где про-

ходила траурная церемония. Железные загородки и вооруженные люди сдерживали толпу – «простым» людям не место у сцены, где сидят официальные лица. Действо напоминало состязание в элегантности. Министры, их замы, видные деятели режима явились с женами, задрапированными в дорогие ткани. На головах у некоторых красовались пышные тюрбаны из платков и шалей, другие удивляли сложными прическами – косичками, уложенными розеткой или треугольником. Впечатление театральности происходящего усиливали аплодисменты и приветственные выкрики, которыми толпа встречала появление каждой высокопоставленной четы. Секу Туре, облаченный в парадное белое бубу, произнес многочасовую речь. Он явно извлек урок из конголезской трагедии и с пафосом в голосе то и дело повторял слова *капитализм* и *угнетение*. Не знаю почему, но для меня в них не было смысла, я спрашивала себя: «Ну и где она, эта ваша пресловутая гвинейская революция?»

Только в 1965 году, прочитав «Сезон в Конго» Эме Сезера о последних месяцах жизни Лумумбы, я прочувствовала весь драматизм и значение события, а в тот момент была явно недостаточно политически подкована.

Я, безусловно, перенесла бы лишения, омрачавшие наше существование, затронь они *все* общество, старавшееся коллективным усилием создать свободную нацию. Возможно, это даже увлекло бы меня. Увы, ничего подобного не случилось. С каждым днем все заметнее становился раскол на две группы, разделенные непреодолимым морем предрассудков. Мы теснились в стареньких, дышащих на ладан автобусах, а мимо ехали сверкающие «Мерседесы» с флажками на капоте, перевозившие разодетых женщин, обвешанных драгоценностями, и мужчин, курящих именные сигары. Мы стояли в очередях в государственных магазинах, чтобы купить килограмм риса, а «избранные» платили в бутиках валютой за икру, фуа-гра и марочные вина.

Однажды Секу Каба удостоился приглашения на частный концерт в президентском дворце. Мне предстояло впервые попасть в мир привилегированной касты. Я одолжила у Гналенг бебубу, чтобы скрыть свой живот, и повесила на шею ожерелье «Зеленый день». В этом нелепом наряде мне предстояло внимать искусству Республиканского ансамбля традиционной музыки. Солировал Сория Кандиа Куйяте, которого называли «звездой народа манде» и «голосом Африки». Он в полной мере заслуживал этих витиеватых званий, ни один другой голос не мог сравниться с его. Он пел с другими гриотами под аккомпанемент тридцати музыкантов, игравших на корах, балафонах, африканских гитарах и барабанах батá. Представление было несравненное, незабываемое, ослепительное. В антракте зрители заполнили бар, и я пришла в изумление, наблюдая за мусульманами, хлеставшими розовое шампанское и дымившими «гаванами». Секу Каба робко представил меня президенту и его брату Исмаэлю, серому кардиналу правящей клики, стоявших в окружении нескольких угодливых министров. Они не обратили на меня ни малейшего внимания, только президент изобразил вежливый интерес, и я подумала: «Вблизи он еще красивей, у него потрясающий разрез глаз и победительная улыбка героя-любовника!»

«Итак, вы из Гваделупы! Из маленькой *сестрички*, которую Африка потеряла и теперь обретает вновь...»

Я включила этот мини-монолог в текст «Жди счастья», вложив его в уста диктатора Маливана, пришедшего в класс Вероники. Я, в отличие от моей героини, не решила заменить слово «потеряла» на слово «продала» и ограничилась льстивой улыбкой. Секу Туре оставил нас и отправился к другим приглашенным. Все перед ним заискивали, многие даже целовали руки, другие преклоняли колени, и «господин президент» любезно помогал каждому подняться. На заднем плане оперным хором звучали гриоты.

Звонок возвестил об окончании антракта, и мы вернулись в зал.

«В болезни будешь рождать детей...»

Библия. Книга Бытия 3:16

Я носила по коллежу свой огромный живот и «пугала учениц», как сказала мне в 1992 году Уму Ава, преподававшая в Центре исследований Африки при Корнельском университете США.

«Сначала мы вас боялись. Чувствовали, что не интересуем вас, и воспринимали вашу беременность как нечто пугающее и загадочное».

На самом деле я с трудом обувалась – ноги распухали и ужасно болели, ходить становилось все труднее. Декретные отпуска в социалистической Гвинее отменили, и женщины работали до самых родов, а на грудное вскармливание им от «щедрот» государства полагался целый месяц. В мае 1961 года у меня прямо в классе отошли воды, и насмерть перепуганная мадам Бачили лично отвезла меня на своей «Шкоде» в больницу Донка⁸⁰.

– Ваш муж отсутствует, кого же мне предупредить?! – волновалась она.

Едва дыша от страха, я прошептала имена Секу Кабы и Гналенгбе. Роды в Абиджане прошли как по маслу, но сейчас я просто с ума сходила от одной только мысли, что оказалась в этом лечебном заведении. После отъезда в 1958 году французских врачей их сменили восточноевропейские коллеги: русские, чехи, поляки или немцы, объяснявшиеся с пациентами через переводчика. В больнице не хватало буквально всего: вместо ваты использовали корпию, спирт и эфир строго дозировались, анальгетики практически отсутствовали. Дети умирали от краснухи, малярии и коклюша, взрослые – от разного вида диарей и инфекций, которые тогда еще не называли внутрибольничными. В обветшавших зданиях колониальной эпохи стояла жуткая вонь. Я до сих пор иногда просыпаюсь по ночам от кошмаров на «больничную тему».

В родильном отделении меня осмотрел врач-чех в халате сомнительной чистоты, ему помогали две русские медсестры, грубые и равнодушные. Мне было больно и очень страшно, но это никого не волновало. Потом одна из медсестер отвела меня в палату, где на узких лежаках корчились роженицы. Их было не меньше дюжины. Я отыскала себе место и прилегла. Начались схватки, я заорала – единственная из всех женщин, и лежавшая рядом страдальца с мокрым от пота лицом назвала меня бессовестной.

Я и правда не испытывала ни малейшего стыда, а кричала от одиночества и отчаяния, что оказалась в этой жуткой палате. Прошло много часов, прежде чем снова появился доктор, на сей раз с переводчиком, осмотрел меня и что-то сказал. Оказалось, это был приказ проследовать в родзал номер пять.

– А где он? – осипшим от крика голосом спросила я.

– Пройдешь по коридору. Свернешь налево. Пятая дверь. Увидишь номер и не ошибешься, – буркнул он.

Толкнув нужную дверь, я отшатнулась. Вообразите огромный смрадный ярко освещенный зал, полный полуголых женщин, безмолвно мучающихся на койках, истекающих кровью, измазанных нечистотами, тужащихся под свирепые команды белых и черных акушеров, рывком извлекающих на свет младенцев и перерезающих пуповины. Опроставшиеся женщины брали детей на руки и ковыляли «на выход», некоторые, совсем ослабевшие, падали и несколько минут лежали в прострации на полу.

Чудо заключается в том, что Природа, если пожелает, в любых условиях завершает дело благополучно. В начале первого ночи семнадцатого мая 1961 года я произвела на свет... не Александра, а вторую дочь, прелестную девочку с волосиками на голове и очень голодную.

⁸⁰ Больница Донка – государственная больница в Конакри, Гвинея. Она не располагает достаточными возможностями, многие гвинейцы не могут позволить себе ее услуги.

Гналенгбе, ждавшая за дверью, обняла меня и отвела в некое подобие ванной, загроможденное пластиковыми кувшинами, тазами и примитивными туалетными принадлежностями. Там она вымыла меня и стерла пучком соломы кровь, потом искупала в ведре новорожденную. Мы покинули больницу, и я проспала всю обратную дорогу.

Я попыталась описать эти роды в романе «Сезон в Рихате», но воспоминания были так ужасны, что перо отказывалось подчиняться, и версия получилась смягченной. Кроме того, моя героиня Мари-Элен дала жизнь сыну, что стало символом нового начала. Для меня ничего не изменилось, я продолжала жить в квартире, обставленной на скорую руку, Иоланда заглядывала каждый день – «перевести дыхание», по ее собственному определению. Ближе к вечеру я наблюдала за проездом Секу Туре в «Мерседесе 280 SL» и шумно приветствующими его рыбаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.